

Русские идут

Юрий НИКИТИН

Труба Иерихона

«ЭКСМО»

2000

Никитин Ю. А.

Труба Иерихона / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 2000 — (Русские идут)

Заокеанская Империя, отчаявшись помешать возрождению России с помощью своих агентов влияния, готовится предпринять прямое вооруженное вторжение. Естественно, под благовидным предлогом – для защиты россиян от их кровожадных соседей. Но президент Кречет и его соратники, отринув прогнившие «общечеловеческие ценности», готовят адекватный ответ зарвавшейся супердержаве...

Содержание

Предисловие	5
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	17
ГЛАВА 4	21
ГЛАВА 5	25
ГЛАВА 6	30
ГЛАВА 7	35
ГЛАВА 8	40
ГЛАВА 9	46
ГЛАВА 10	50
ГЛАВА 11	55
ГЛАВА 12	58
ГЛАВА 13	63
ГЛАВА 14	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Юрий НИКИТИН

ТРУБА ИЕРИХОНА

*Михаилу Егорову, который следил, чтобы я в «бизон» и «глушак»
заряжал патроны нужного калибра :)))*

Предисловие

Это заключительная часть моего цикла «Ярость». Но не последняя в серии «Русские идут», которую, надеюсь, с блеском продолжат молодые и сильные авторы. А начиналось все, если кто помнит, давным-давно, когда только крохотнейшее издательство «Равлик» под руководством Лилии Шишкиной, известной также как хозяйка знаменитой «Корчмы» (<http://nikitin.wm.ru>), решилось выпустить первую книгу.

Она же выпустила и еще два романа из этой серии. Несмотря на спрос, ведущие издательства не решались взяться за издание этих вещей. А крохотный тираж рассосался на ближайших улицах Москвы. Но прошло время, произошли известные события в Боснии, Чечне, Косово. В стране то и дело сменялись правительства, наконец вроде бы пришло нечто более устойчивое, осмеливающееся огрызаться на окрики из-за океана.

Вот сейчас издательство «Центрполиграф» первым из крупных издательств взялось выпускать эти романы. Лед тронулся! Я считаю свою миссию завершённой еще и потому, что если в те годы я был один-одинешенек, то теперь целая группа молодых талантливых ребят взялась писать на тему... на тему, которую можно бы назвать что-то вроде «Еще Россия не погибла!» (по аналогии с украинским «Ще нэ вмэрла Україна!» и польским «Ще Польска нэ сгы-нэла!»).

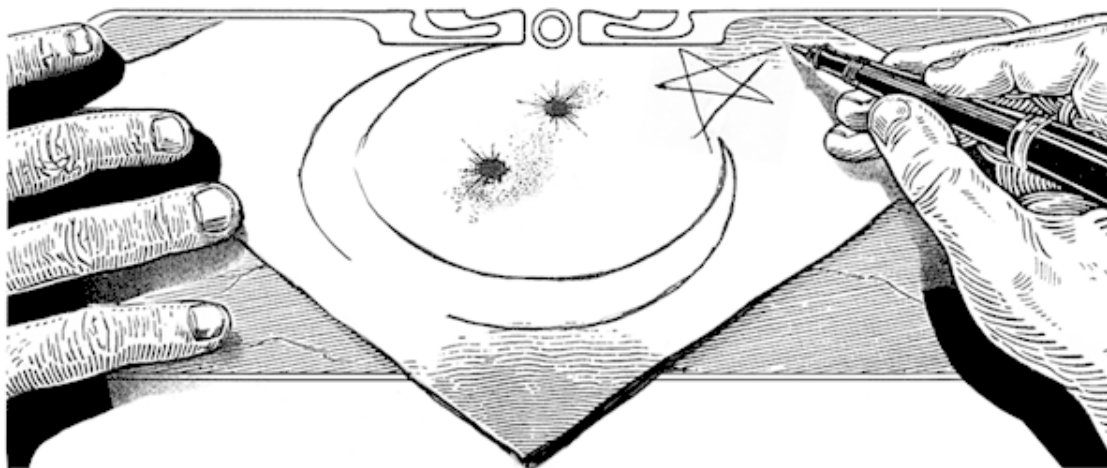
Если уж не вмэрла Україна и не сгинула Польша – а им доставалось! – то тем более с нашей помощью удержится и встанет на ноги могучая Россия.

Тема России и ее противостояния натиску из-за рубежа оказалась не чуждой молодому поколению. Еще как не чуждой! :) Не так уж оно и купилось на сникерсы и свободы для сексменьшинств!

Я же иду протаптывать новую дорожку. Как вытоптал незадолго до этого строительную площадку для прекрасного «Княжеского пира» – серии о киевских богатырях, которую успешно продолжают молодые авторы.

До новых встреч!

ЮРИЙ НИКИТИН

ГЛАВА 1

Через центр города, перекрыв движение, двигались сотни роскошных автомобилей. Все черные, как холодный космос, все с тонированными стеклами, не отличить по цвету от окраски кузова. Не пяток-другой, когда перевозят главу правительства, и даже не десяток, когда встречают глав государств на исторические совещания по вопросам жизни всего человечества, а именно сотни породистых лимузинов.

Десятки милицейских машин с мигалками неслись через весь город, перекрывали движение. Колонна автомобилей двигалась медленно, скорбно, с достоинством. В центре двигался катафалк, влекомый восьмеркой вороных коней. Сбруя тускло и мрачно поблескивала, огромные черные султаны на конских головах слегка колыхались. Форейторы в высоких черных цилиндрах торжественно и скорбно смотрели поверх машин и смертных людей. В руках перевернутые факелы, символизирующие конец земной жизни достойного человека, которого сопровождают в последний путь, на бледных лицах отрешенность...

Вся Москва затаилась, люди пугливо смотрели с балконов. О похоронах короля местной братвы, которого милиция называла иначе, не по-королевски... да и не только милиция, было объявлено заранее. Все кладбище, где приготовлен роскошный склеп... ему позавидовала бы иная королевская семья... весь вчерашний день и эту ночь высококлассные специалисты проверяли на предмет мин и фугасов. Бомжей, попрошаек, нищих – вымело как метлой. За них взялась не беспомощная и «самая гуманная в мире», а взялись те, кто считал себя настоящими хозяевами города... Да и страны.

Ровно в полдень в воротах вычищенного и выметенного, как перед визитом президента страны, кладбища показался первый автомобиль. За ним медленно двигался автобус. Автомобиль и автобус свернули на кладбищенскую стоянку. Из автобуса с несвойственной таким солидным и немолодым людям торопливостью высыпали музыканты в черном.

Холодный ветер колыхал верхушки деревьев. Перекликались встревоженные вороны. Музыканты, стараясь не смотреть друг на друга, торопливо расчехляли инструменты. На лицах некоторая стыдливость, все-таки все из Большого театра, хоть гримируйся, зато в глазах горит решимость отработать непривычно большие деньги.

Разделившись, музыканты встали по обе стороны кладбищенских ворот. Едва показалась траурная процессия, ее встретили рев труб и звон медных тарелок. Машины проезжали медленно, сами похожие на немолодых почтенных джентльменов.

Служители кладбища сидели в будочке, считали зеленые бумажки. Быки в солидных черных костюмах указывали место для парковки: вся стоянка уже освобождена от всяких жигулей и прочего мусора.

Лимузин с вдовой и детьми въехал последним. Двое бодигардов бросились к дверцам. Высокий тучный господин с бульдожьим лицом рявкнул:

– Стоять! Я сам открою.

Он и открыл, поклонился с достоинством. Из темного зева показалась голая нога в красной туфельке, удлинилась. Шеи бодигардов вытянулись, как у жирафов. Нога продолжала выдвигаться мучительно медленно, грациозно, исполняя загадочный и очень эротичный танец, двусмысленный и вместе с тем очень откровенный.

Наконец из машины показалась вдова, прекрасная, аристократичная, молодая. Она была в черном платье, плечи оставались обнаженными, демонстрируя безукоризненно чистую молодую кожу.

Тучный господин с поклоном подал ей руку. Она приняла по-царски небрежно, зябко повела плечами:

– Спасибо, дорогой Владлен Исаевич. Какая мерзкая погода!

Господин, которого она назвала Владленом Исаевичем, церемонно поцеловал ее тонкие бледные пальчики.

– Мерзкая, – согласился он. – Синоптики хорошую обещали. Мерзавцы, за что их держат! Иначе бы мы все организовали чин-чинарем...

Она сказала капризно:

– Мэр на праздник города и то велел разогнать тучи!

Владлен Исаевич поклонился. В самом деле, недоглядели. Если уж паршивый мэр послал тучи не то серебром, не то еще чем-то, но разогнал, ясную погоду обеспечил, то они могли сделать больше, намного больше.

Из машины вылезли мальчик и девочка лет десяти и семи, одетые строго, безукоризненно. Владлен Исаевич согнул руку колечком, но голоплечая вдова широким жестом подгребла детей, и Владлен, все поняв, сказал скорбным голосом, пряча досаду:

– Прошу...

Так и пошли по центральной дороге в глубь кладбища: она с двумя детьми, Владлен Исаевич, претендующий на роль Первого, и еще трое сопящих ему в спину ненавистью донов. Конечно, власть захватит кто-то из них четверых, только в гангстерских фильмах вдова продолжает дело убитого мужа, но такая сочная телка – сама по себе клад, не говоря даже о ее заграничных счетах, хороммах в Подмоскowie, особняке в Ницце, собственном отеле во Флориде...

От центральной дороги, вымощенной грубым кладбищенским камнем, влево ответвилась еще одна – выложенная мрамором. А дальше открылся простор: окрестные –могилы то ли сровняли с землей, то ли участок в самом центре привилегированного кладбища берегли для самого президента страны, а теперь это местечко перехватили. Сейчас в окружении гор золотого песка темнел четырехугольный провал.

Четверо здоровенных парней, мастера спорта, как каменные надолбы, застыли у ямы. На их широких лицах с перебитыми носами было видно старание изобразить скорбь.

Еще четверо бодигардов, не допуская к такому священному обряду простых рабочих кладбища, подошли к роскошному катафалку. Приученные кони стояли неподвижно, похожие на застывшие статуи из черного чугуна. Катафалк медленно и торжественно распахнул чрево. Толпа разом вздохнула, по ней прокатился говорок почтительного изумления.

Гроб с телом покойного поражал прежде всего размерами. Не потому, что покойный был великаном, все помнили маленького сухонького старичка, вора в законе, растерявшего здоровье в бесчисленных лагерях, но гроб выглядел громадным из-за барельефов, массивных золотых ручек, что напоминали усы майского жука. Ко всему прочему из-за множества таких же массивных золотых ножек гроб казался сколопендрой невероятных размеров.

Бодигарды протянули руки к гробу, но Владлен Исаевич, кандидат в Первые, бросил властно:

– Отставить!

Он первым, а за ним и три других вожака группировок подошли и сняли гроб. Оркестр заиграл еще печальнее. По толпе прокатился едва слышный говорок. Называли имена этих четверых, самых известных и авторитетных воров в законе.

Вперед выдвинулась оранжевая, блистающая золотым шитьем ряса, золотыми шапками и золотыми посохами группа людей, толстых и массивных, как бодигарды, но с лишними пудами дурного мяса и жира. Все как один в колоколообразных рясах, что вообще делали их похожими на стога прошлогоднего сена.

Вдова поймала быстрый взгляд старшего из этого кодла, митрополита московской патриархии: оценивающий, мгновенно раздевший ее, перевернувший так и эдак, раздвинувший ей ноги до треска в мышцах... Этому даже ее счет в швейцарском банке не нужен, как четырем донам, у него свои банки в Швейцарии.

Она улыбнулась митрополиту одними глазами, едва-едва, и тут же уловила ответное движение век. Вожак церковной группировки пообещал ей крышу и личное покровительство.

Четверо донов с гробом на плечах медленно разворачивались, побагровели от натуги. Возникла неизбежная суматоха, приглашенных набралось слишком много, бодигарды начали теснить толпу: покойнику нельзя загораживать дорогу.

Дорога к золотым горкам песка открылась прямая, народ в черном выстроился по обе стороны. Траурная музыка заиграла громче, жалостливее. Четверо донов, пошатываясь, понесли гроб.

Вдова шла сразу за гробом, скорбная и молчаливая, ослепительно красивая в траурном платье. Черная вуалька на золотых волосах блестела, абсолютно не пряча их роскошь, а нежное лицо было открыто как свежему воздуху, так и поцелуям будущего хозяина ее тела.

По ту сторону могилы уже сверкала золотыми рясами еще одна группа в ризах-копнах, с высокими золотыми шапками, золотыми посохами, кадилами и прочими шаманскими вещами. Все как один осанистые, с могучими бородами и широкими бандитско-холеными мордами.

Солнце на миг выглянуло из-за туч. Золотое шитье засияло ослепительным блеском. На пудовых золотых крестах заблестели драгоценные камни. Сверкали золотые пуговицы, длинные, искусно изготовленные за рубежом посохи. Священнослужители выделялись среди одетой в черное братвы, как африканские жрецы среди голых негров.

Доны на подгибающихся ногах донесли гроб до могилы. Несколько мгновений казалось, что уронят, но бывшие спортсмены сохранили достаточно сил, чтобы собраться, удержать и удержаться самим. Тяжелый черный ящик бухнулся на горку оранжевого песка, примял, а золотые лапы жадно погрузились, зарылись.

Могучий дьякон взмахнул кадилом. Хор певчих за спинами церковной братвы грянул ангельскую песнь. Сам дьякон рывкнул таким могучим низким басом, что автомобили на стоянке вздрогнули и присели в испуге. Старший из попов окропил гроб, вскинул крест и четырежды помахал по сторонам, благословляя пришедших на проводы и одновременно отпуская им грехи нынешние и будущие.

Бодигарды стояли спинами к могиле, удерживая толпу. Эти мелкие вожаки районных и микрорайонных группировок не знают приличий, вот слева по периметру наметилось вздутие, крепкие молодые парни в черных костюмах властно раздвигают стражей...

Вперед к самой могиле вышел такой же крепкий, но уже немолодой мужчина с широким лицом профессионального боксера. На скулах и правой щеке остались следы от старых ран, а нос расплющен, будто ударом молота.

По толпе прошел шепоток: узнали Кешу Воркутинского, нового вожака межрайонной группы. Он появился из воркутинских лагерей, тут же собрал братву и вступил в борьбу за власть над центром города.

Кеша вскинул руку. Траурный марш послушно оборвался, а митрополит заткнулся, словно свинья с кляпом во рту.

– Дорогие друзья! – сказал Кеша свирепо, словно прорычал. – Сегодня мы прощаемся с нашим дорогим другом, который так много сделал для всех!.. Он умел быть умелым судьей в наших нелегких спорах, умел быть любящим отцом своим детям и, не побоюсь этого слова, всем нам!.. Каким он был прекрасным семьянином, могут подтвердить многие, очень многие... Двери его дома всегда были широко распахнуты для друзей, а такие прекрасные люди имеют многих друзей!.. Причем в самых разных кругах...

...В это же самое время в трех шагах от одной из милицейских машин, что находилась в двух километрах от кладбища, остановился потрепанный жигуленок. Вылез растерянный молодой парень, взлохмаченный, с виновато-заискивающей улыбкой на жалком лице вечно трясущегося интеллигента.

– Ребята! – Он подбежал к их машине, взмолился: – Второй час кружу!.. Где этот проклятый Козихинский переулок?.. Все посылают в Козицкий, но на фиг мне Козицкий, я там уже три раза был... Мне Козицкий не нужен, мне бы Козихинский, в конце концов бы...

Милиционеры засмеялись, переглянулись. Новые русские, как и все уверенные в себе ребята, задают вопросы, не покидая машины и цедя слова через нижнюю губу с таким трудом, словно делают тебе одолжение, а эти интелки вечно выскакивают, кланяются, чуть ли не приседают, как пугливые или чересчур почтительные китайцы.

Старший патрульный профессионально зорко оглядел окрестности. Тихо, в оставленном жигуленке смутно белеет лицо крашеной блондинки с вытянутым, как у козы, лицом. Одет бедненько, но строго, явно библиотечарша или школьная учительница.

Второй патрульный заржал так, что живот заколыхался, как студень. Старший вытащил из бардачка карту, сказал весело:

– Сколько этих лохов попадается с этим гребаным Козихинским! Раз в месяц я постоянно кому-то да объясняю разницу.

Второй предложил:

– Может, переименовать? Чтобы народ не путался?

– Ну да, так тебе и переименуют... Иди сюда, чудило. Вот твой Козихинский, видишь?.. Извилистый такой, как червяк... А Козицкий на другой стороне вовсе...

Парень подошел ближе, глаза изумленно следили за пальцем. Рот в удивлении приоткрылся.

– Козицкий вижу... А где же Козихинский? Да нет его там... И на карте нету...

Уже и второй милиционер наклонился над картой, оба смотрели, как палец первого пополз по бумаге.

– Да вот же он!

Негромко хлопнуло. На второго брызнуло горячим. Еще не поняв, он вскинул голову, успел увидеть перед глазами черное дуло револьвера. В тот же миг голову разорвала страшная боль. Он почти успел ощутить, как череп разлетается на куски, хотя на самом деле пуля лишь пробилась в переносице аккуратную круглую дырочку, которую тут же закупорил изнутри кровавой тромб.

Парень быстро сунул руку в кабину, оборвал проводки, лишь тогда выхватил из кармана передатчик:

– «Первый», я «седьмой»! Охрана спит.

– Понял, – донеслось через мембрану. – Приступай ко второй части.

Парень спрятал передатчик вслед за револьвером. Специалист узнал бы в нем ПСС, в просторечии «тишак», шестизарядный, которым пользуются только люди из правительственных структур на плановых операциях. При выстреле слышен только звук удара бойка по капсюлю, да и то если стоишь не дальше двух шагов.

Одинокое стоявший жигуленок сорвался с места, подкатил. Парень быстро вскочил на сиденье рядом с женщиной, с лицом как у козы, тут же вытащил из рюкзака пистолет-пулемет и опустил под ноги, чтобы не видели из проезжавших машин.

Женщина с лицом козы, что медленно приобретало черты пантеры, молча врубила газ. Сзади послышался рев могучей машины. Не оглядываясь, оба уже знали, что из-за угла выдвигается бронетранспортер. Сейчас помчится за ними в сторону кладбища.

И догадывались, что в эту самую минуту по всей Москве снимают таких вот патрульных, из которых только часть переодетые бандиты, а немалая часть в самом деле служит в рядах МВД, а сейчас, так сказать, на подшибашке.

ГЛАВА 2

Бронетранспортеры съехались к кладбищу с четырех сторон. Ворота только двое, к северным и южным подогнали так, что прижали створки. Войти или выйти можно только через калитки для пешеходов. По одному. Правда, можно прыгать с бронетранспортеров прямо через ограду.

На обоих бэтэрах хмурые парни направили на выходы рыла крупнокалиберных пулеметов, их пальцы заученно легли на спусковые крючки.

Остальные бронемшины распределились по всему периметру. Кладбищенская ограда высока, но кое-где с той стороны либо горки земли, либо толстые бревна, перескочить через забор сумеет даже попадья.

Майор Олейник вышел из джипа, подбежал рослый омоновец, бросил руку к виску:

– Докладываю, отряд готов...

– Приступаем, – ответил Олейник коротко.

Дюжие парни в бронежилетах и со страшноватого вида пулеметами в руках быстро просачивались через калитки, прыгали через заборы, охватывая территорию кладбища уже изнутри.

Олейник тоже предпочел через забор, выбрав самое гиблое место: толстые деревья, заброшенные могилы с массивными мраморными крестами – танк спрятать можно, – широкими плитами, из которых только половина плашмя, а другие торчат, как гребень разъяренной ящерицы. Если кто-то сюда добежит, то выкуривать придется долго...

Под ногами шелестел и мягко прогибался толстый ковер из листьев. По нему можно было бы просчитать, как по годовым кольцам, когда в последний раз здесь убирали. Скорее всего, еще при советской власти...

За Олейником двигался Мысько, но, едва в мозгу Олейника мелькнула мысль, что надо остановиться, Мысько замер едва ли не раньше, чем Олейник раскрыл рот. Идеальный напарник.

– Охранник, – шепнул Олейник.

– Понял, – ответил Мысько.

Олейник скорее догадался, чем услышал щелчок затвора. Понятно, Мысько ловит в прицел снайперской винтовки с глушителем эту первую жертву.

– Говорит «ястреб», – шепнул Олейник одними губами. – Как обстановка?

Из микрофона в ухе послышалось:

– «Седьмой» на исходной позиции.

– «Третий» на исходной...

– «Восьмой» на исходной...

Терпеливо выслушав всех, Олейник поинтересовался:

– Что с охраной?

Снова разногласия, все подтвердили, что да, стоят эти головотяпы, но смотрят не по периметру, а вытягивают шеи, стараются рассмотреть, как же идут похороны короля преступного мира.

– Дальше – по плану, – велел Олейник.

За его спиной щелкнуло. Далекая фигура охранника, не вздрогнув, начала медленно оседать за могильную плиту.

– Теперь сопли подобрать, – бросил Олейник. – Промедление будет стоить дорого...

Он знал, что по всему периметру в этот момент снайперы умело посылают пули в головы наружной охраны. Но когда охраны много, то кто-то может успеть вскрикнуть или же его падение заметит случайно обернувшийся из толпы гость.

Справа и слева, зеленые и пятнистые, как гигантские ящеры, омовцы то и дело припадали к земле, бежали, пригибаясь и прячась за деревьями, оградами, могильными плитами и даже крестами.

Наконец открылась огромная очищенная площадь. Олейник быстро присел за последним деревом. Могилы здесь еще остались, но на месте могучих кладбищенских деревьев сверкают свежими срезами пни. Чтоб, видать, не заслоняли будущую усыпальницу, ее выстроят на месте этой могилы. Наверняка уже главный архитектор города и главный скульптор получили срочный заказ...

От прежних старых могил на сотню шагов вокруг осталась чисто выровненная земля, словно ее готовили под памятник Куликовской битвы. Сейчас все это пространство заняла молчаливая и неподвижная толпа. Все в черном, и все, как на подбор, мужчины. Олейник ощутил, как по спине прокатилась липкая волна не то неуверенности, не то вовсе страха. Их слишком много... Не меньше тысячи человек явилось на похороны своего короля!

Он чувствовал дрожь не оттого, что придется стрелять, что люди будут падать убитыми. Но все-таки... все-таки это же кладбище! Не храм, но все-таки не место для пролития крови...

Зоркие глаза выхватили на той стороне, тоже за деревьями, неприметное шевеление. Это «третий» и «шестой», а «девятый» должен быть чуть левее.

Он искал глазами, долго не находил, пока взгляд не зацепился за край старой могильной плиты, что от старости поросла зеленью... Тьфу, это же не зелень, а «девятка», уже готовая к стрельбе!

Огромная толпа их пока не замечает, все слушают горячие речи ораторов, хвалебную речь митрополита о великом милосердии короля преступного бизнеса, о всепрощении и смирении.

Он вытащил пистолет, передернул затвор. Один из задних словно услышал щелчок, оглянулся. На Олейника в упор взглянули глаза умного и интеллигентного человека. Олейник на долю секунды заколебался, но рассмотрел в том бледном лице нечеловеческую жестокость, что отличает патологических убийц от людей нормальных...

Рука этого интеллигента метнулась под полу пиджака, Олейник успел увидеть вороненый ствол узи. Пистолет в ответ дернулся трижды. Пистолет у него был без глушителя, но все же абсолютно бесшумный: пороховые газы приводили в действие поршень, тот выталкивал пулю и тут же запирали внутри гильзы пороховые газы, на корню срезая прямо в зародыше звук выстрела. Однако охранника отшвырнуло прямо на черные сгорбленные спины.

Там начали поворачиваться, огромная, черная, как воронье, масса пришла в движение. Тут же их затрясло, послышались крики, визг, ругань. Видно было, как из пробитых пулями тел выбрызгиваются красные струйки. В толпе раздались истошные крики, грязный мат, угрозы, брань. Олейник зло оскалил зубы, обозвал себя идиотом. А еще заколебался, придурок...

Гости в черном падали как скошенные. Многие в падении выхватывали узи, ингремы, у некоторых в руках появились гранаты. Омовцы, не высываясь из-за могильных плит, поливали толпу смертельным градом. Пули из пистолетов-пулеметов рвали тела, разносили черепа, как не смогли бы простые пули из калаша.

Несколько бандитов ухитрились отпрыгнуть за широкое гранитное надгробие, вели оттуда огонь в три ствола. Олейник без колебаний выстрелил, едва увидел, как высунулась чья-то нога. Если стреляют без глушителей, то явно чужие...

Еще пятеро омовцев, выбрав удобные позиции, били из скорострельных снайперских винтовок. В толпе глухо грохнуло, полыхнул огонь. Вверх взлетели клочья красного мяса. Явно кто-то из бандитов успел выдернуть чеку из гранаты, даже успел, может быть, замахнуться...

– Не прекращать огонь! – прикрикнул Олейник. – Мысько, чего замолчал?

– Заклинило, – ответил задыхающийся голос. – Щас... щас исправлю...

Несколько сот человек разом бросились в эту сторону. Олейник привстал, выпустил всю обойму, перезарядил, но толпа хоть и быстро таяла, но прорвалась через цепь...

– Мать их перемать! – выкрикнул Мысько зло. – Готово!

Он поднялся во весь рост, но стрелять вдогонку глупо, деревья и высокие надгробные памятники уже скрыли убегающих. А на месте похорон все покрыто черными телами, страшно пламенеют красные лужи, куски мяса, кое-кто воровато отползает, прячется за памятники, заползает в кусты...

– Вперед, – велел Олейник. – Ты знаешь, куда они добегут.

Далеко за их спинами раздался приглушенный треск, словно над крышей прорвался огромный мешок с горохом. Мысько молча двинулся вперед. Снайперская закинута за спину, теперь на широком ремне с плеча свисает пистолет-пулемет «бизон», очень похожий на родной АКСУ, но без рожка внизу. Вместо рожка в нем шнековый магазин на шестьдесят шесть патронов 9-го калибра, которые Мысько умел использовать все экономно и только по назначению. Да, судя по далекому треску, бандиты все же сумели добежать до кладбищенской стоянки, где тесно от их бронированных лимузинов, где в багажниках машин сопровождения есть гранатометы, даже противотанковые есть...

Омоновцы разом выступили из-за деревьев и поднялись из-за надгробий. Все так же неспешным шагом пошли к зияющей яме, стягивая петлю. Никто не оглянулся вслед убегающим: броневые пластины лимузинов, что хороши против узи или калашей, сейчас рвутся, как бумага, под пулями армейских пулеметов. Первыми явно добежали крепкие молодцеватые ребята, быстрые даже в бронежилетах под дорогими черными костюмами, но крупнокалиберные пули, выпущенные со страшной силой, вот прямо в эту минуту разбивают кевлар вдрызг, куски разорванных грудных клеток зашвыривает на деревья...

Мысько шел слева от Олейника, а тот поглядывал, как по всему периметру кладбища к месту побоища стягиваются настороженные фигуры в масках и камуфляжных костюмах. Иногда Олейник скорее угадывал, чем слышал выстрел, кто-то из раненых гостей вздрагивал и тут же зарывался лицом в землю.

Распростертых фигур попадалось все больше, но Олейник шел прямо к вырытой могиле. Гроба не видать, уже в яме, а между холмиками золотого песка тоже блестит золото: ряссы, кресты, золотые причиндалы...

Священник, заслышав шаги, пугливо приподнял голову. На щеку прилипла прядь, длинная борода тоже в комьях земли, травы. Он начал подниматься, тяжело отдуваясь, Олейник отступил на шаг, поп на голову выше и раза в три тяжелее.

– Слава богу, – выдохнул священник. – Я уж думал, другие бандиты!..

Мысько явно заколебался, Олейник сказал сдавленным от ярости голосом:

– Ах, ты православный?.. Тебе такое православие – нужно?

Священник затрясся под потоком беззвучно выпущенных пуль, не улетел, как любой бы на его месте. Слоновья туша выдержала десятка два металлических цилиндриков, что разнесли грудную клетку, вывернули внутренности, лишь затем покачнулся и рухнул лицом вниз.

Олейник ступил в сторону, чтобы эта гора не подмяла. Мысько, белый как мел, прошептал:

– В задницу такую православную... Но и мусульманином все равно не стану!

– Твое дело – стрелять, – напомнил Олейник.

Он выпустил по пуле в затылки двух крепких парней, что уткнулись мордами в землю, но руки и ноги в положении, когда вскакиваешь одним движением, а оружие словно само прыгает в ладони...

Когда начали падать гости, а затем со всех сторон ударил этот пугающе бесшумный смертоносный пулеметный огонь, адвокат Кураев успел рухнуть, а сверху на него упал кто-то еще. А потом и еще.

Лежать было тяжело, страшно, а тут еще теплые струйки крови потекли сверху. Его вжимало лицом в песок, сухой и чистый, а потом все стало мокрым. Он ощутил на губах вкус крови.

Было страшно и гадко лежать вот так, а ведь он самый известный в Москве адвокат, привык к высшему обществу, хорошей еде и хорошим костюмам. Совсем недавно он прославился тем, что сумел не допустить до суда дело Утесика. Тот на глазах толпы свидетелей расправился с семьей инженера, который не поклонился его собаке. А вообще слава его началась с процесса, когда он сумел вытащить из тюрьмы самого Ноздреватого, серийного убийцу...

Он как сквозь толстое одеяло слышал страшные крики, душераздирающие вопли. Ему наступили на руку, кто-то снова рухнул сверху, страшно захрипел, начал бить, медленно затихая, ногой в бок.

Песок оседал, теплый и сырой, ставший таким податливым. Издали слышались громкие злые голоса, потом он услышал даже скрип песка под солдатскими сапогами. Люди с таким оружием явно не простые бандиты, тем более – не простая милиция, у них свои правила и законы...

Затем слышались только односложные слова, словно напавшие переговаривались условными командами. Он определил, что офицер приближается к нему, только у офицера пистолет, а автоматчики идут молча, уже без выстрелов. Значит... кончилось?

Он медленно зашевелился, осторожно сдвинул с себя труп, этого человека он не помнил, выглянул, как из дзота.

По кладбищу в его сторону шли люди в защитной форме. Они показались чудовищами из фильмов о пришельцах: в масках, с уродливыми фигурами, на которых нацеплены коробки с боеприпасами, словно вся группа заброшена в далекие джунгли.

Иногда кто-то поводил стволом, нажимал спусковую скобу. Кураев с ужасом видел, как трупы подпрыгивают, дергаются. Даже если в самом деле стреляют для верности в убитых, тела от удара тяжелых пуль сдвигает с места.

В пяти шагах от него приподнялся на колени Омельченко, тоже удачливый адвокат, он вел дела солнцевской группировки. Глаза Омельченко были круглые. Он вскинул руки над головой, пальцы растопырены, закричал истошным голосом:

– Не стреляйте!.. Я адвокат!..

Один из зеленых повел в его сторону стволом пулемета. Голос из-под маски прозвучал глухой:

– Хороший адвокат?

– Лучший, – ответил Омельченко, это брехливое ничтожество, дрожащим голосом. – Самый лучший!

– Это хорошо, – одобрил человек в маске. – Им адвокат понадобится и в аду.

Выстрел из пистолета отбросил Омельченко на гранитную плиту. Когда он сполз, на плите остались пятна крови, расплесканный мозг и кусочки черепной кости. Кураев застыл, эти все ближе, стволы автоматов не пропускают ни одного, выстрелы из-за зловещей бесшумности кажутся особенно страшными.

Он медленно поднялся на колени, положил руки на затылок:

– Я сдаюсь!.. Я юрист покойного. Я знаю все его тайны, могу стать ценным свидетелем...

На него в упор взглянули в прорезь маски суровые молодые глаза. И такой же молодой голос сказал резко:

– Там и станешь.

Кураев в смертельном страхе видел, как черный провал дула взглянул прямо в лицо. И успел подумать, что все его виллы, мерседесы, яхта на Карибах, две манекенщицы, восемнадцатикомнатные апартаменты в самом элитном доме Москвы...

Едва слышно шелкнул боек о капсулю. И все исчезло. Как это кладбище, так и далекий надежный счет в Швейцарии, о котором не знала даже жена.

...Олейник снова сменил обойму. В груди были пустота и горечь. Они только что искромсали пулями несколько сот здоровых, сильных мужчин. Половина из них молодые и крепкие, на равных могли драться с его спецназом. Да почти все они совсем недавно обучались у одних и тех же инструкторов...

Он встретился взглядом с солидным господином, похожим на банкира. Тот начал было приподниматься, но при виде грозно блистающих в прорези маски глаз офицера упал лицом в землю, пальцы неумело скрестил на затылке. Даже ноги попытался раздвинуть, как показывают в фильмах о задержании особо опасных.

Олейник сказал зло:

– При попытке сопротивления...

Господин опасливо вывернул голову. На него смотрело черное дуло пистолета. Господин в страхе вскрикнул:

– Но как же... я же сдаюсь!

– Это зачтется, – пообещал Олейник. – Там зачтется.

Он всякий раз подчеркивал это «там», словно сам верил, что где-то будет высший суд, где всем воздастся.

Сухо шелкнул выстрел.

От чернеющей ямы, куда завалился боком гроб, к ним торопилась ослепительно красивая женщина. Обеими руками прижимала по бокам мальчика и девочку. Мальчик, подросток лет десяти, смотрел на людей в зеленом ненавидящими глазами. Девочка лет семи тоже зыркала исподлобья. Оба уже знали, что все это – менты поганые, портяночники, гниль, все они скоро станут им тоже ноги лизать, как лизали их отцу...

Женщина ослепительно улыбнулась, закричала:

– Осторожнее! Здесь дети!

Олейник покосился на Мысько, тот обалдело опустил ствол, замороженный красотой незнакомки, уже сраженный.

– Ну? – сказал Олейник угрожающе. – Развесил слюни? Твой ребенок... и мой голодали, когда эти двое со своими гувернантками за море ездили! В свой дворец, на своей яхте!.. Твоей жене и моей... два года зарплату не давали, потому что... посмотри на ее шею!

Мысько посерел лицом. Ствол пулемета поднялся, в глазах омоновца вспыхнула ненависть. Он вспомнил о своих детях. О своей жене.

Олейник дважды выстрелил. Второй выстрел слился с очередью из пулемета. Красивую женщину отшвырнуло. По ее груди пробежали красные пятна. В безукоризненное лицо не решился выстрелить даже беспощадный Олейник.

Она упала на детей, подгробла в последнем усилии, пытаясь спасти, укрыть под собой. Олейник могучим пинком перевернул ее лицом вверх. Глаза застыли, безукоризненно чистое лицо вытянулось. Нос стал острым, и стало видно, что женщина не так молода, как выглядит. Явственно проступили ниточки косметических швов, что из сорокалетней сделали восемнадцатилетнюю красотку.

Мысько грубо выругался. Олейник передернул затвор, прицелился в чистый, без единой морщинки лоб. Хлопнул выстрел, гильза блеснула на солнце, теперь оно выглянуло и светит победно, во всю мощь.

Мысько снова сказал пару крепких слов. Все в их казарме слышали, что одна такая косметическая операция обходится в годовое жалованье всей их воинской части.

ГЛАВА 3

Хрюка носилась по скверу, как выпущенный на свободу лесной кабан. Кусты трещали, голуби ее не боятся, но, принимая игру, послушно и вроде бы испуганно взлетают, поднимаются на ветки повыше: низкие Хрюка достает в прыжке. По всему скверу слышатся суматошное хлопанье крыльев, писк, треск, топот.

Через собачью площадку, что на самом деле не площадка, а обыкновенный скверик, по тропкам иногда проходят к троллейбусной остановке люди. Некоторые, взглянув на расписание, качают головами или же разводят в огорчении руками и возвращаются той же дорогой. Я знал, что если задержусь на прогулке дольше, то они снова пройдут к троллейбусу. С той поры, когда Империя начала пробовать то покушения, то госперевороты, я часто замечал поблизости неприметно одетых людей, у которых под мешковатой одеждой бугрятся тугие мускулы.

Правда, от пули снайпера такие здоровяки не спасут, а я то и дело замечал, как в доме напротив сверкает солнечный зайчик. Раньше я знал, что это просто открыли или закрыли форточку, но раньше я был просто мирным футурологом, и на меня никто не смотрел в перекрестье снайперского прицела.

От троллейбусной остановки через скверик шла, прикрыв лицо полупрозрачной чадрой, молодая красивая женщина. От жарких солнечных лучей ее спасала модная кокетливая шляпка, чадра опускается до груди, колышется, полуприкрыв эти выступающие полушария от нескромных взоров.

На женщине маечка с глубоким вырезом, полные груди кокетливо выглядывают, но сквозь чадру видны только общие очертания. Между маечкой и короткими шортиками осталось свободное пространство шириной в ладонь, я рассмотрел широкий хвастливый пупок на здоровой загорелой коже.

Поджаренные дочерна на солнце ноги уверенно несут по тротуару, туфли на высоком каблуке, постукивание задорное, праздничное. На нее должны оглядываться с удовольствием, никакого чувства опасности...

Редкие прохожие в самом деле оглядывались, не столько на чадру, сколько на хорошую крепкую фигуру с нужными выпуклостями в нужных местах. Вообще-то чадру в той или иной форме я вижу все чаще. Наши русские исламисты что-то перемудрили: в большинстве исламских государств про чадру уже забыли. В Турции, к примеру, днем с огнем не отыщешь, но Русь на то и Русь, чтобы все доводить до конца, до края, до абсурда, будь это построение самого справедливого общества на свете или коллективного хозяйства в отдельно взятом селе.

Я взял немного в сторонку, такие женщины опаснее мужчин. С ними теряешь осторожность, а она может пырнуть ножом, плеснуть в лицо отравой, даже успеть выдернуть из пышной прически заколку. Я уже видел такие заколки, Сказбуш показывал. Стрельнет один-единственный раз, но разворотит грудную клетку так, что и снаряду из танкового орудия делать будет нечего...

Сзади послышался конский топот. Хрюка с сиплым храпом мчалась прямо на меня, в пасти здоровенное полено. Щас, буду тебе бросать, размечталась. Всю ночь снилась проклятая Империя. Я придумывал способы, как остановить экспансию этой раковой опухоли, объяснял кабинету министров что-то совсем уж нелепое... Вообще-то все верно, потому и чувствую себя разбитым, как корабль на Курилах: сегодня предстоит непростой разговор. А они все непростые, когда с Кречетом, да еще не по накатанной дорожке...

Завидев женщину, Хрюка притормозила, остановилась возле меня, уставилась на нее в оба широко расставленных глаза. Пасть распахнулась, бревно с грохотом вывалилось на сухой тротуар. Вид у Хрюки обалделый, так мог бы смотреть скорее кобель, но Хрюка... хотя, может

быть, она так среагировала на изящную чадру. Или на зовущий женский запах, который с такой неожиданной ловкостью влез в мои заросшие шерстью ноздри и скользнул в мозг, что там сразу возникла красочная картинка, от которой я едва не покраснел.

Женщина еще издали начала опасно поглядывать на Хрюку. С виду это страшный пес, только близкий круг друзей знает, чем опасно это чудище: если не залижет, то затопчет.

– Хрюка, – сказал я предостерегающе, – играй, играй...

Ничего другого сказать не могу, все равно не выполнит ни одной команды, но женщина как будто решила, что это условный сигнал для пса-телохранителя, вытянулась, как натянутая струна, прошла по тропке ровненько, не делая резких движений.

Итак, на чем меня прервали... Ага, предстоит напомнить президенту страны и остальным в его кабинете, что Империя вырвалась вперед других стран за счет того, что все свои ресурсы... интеллектуальные и материальные, сосредоточила на достижении простейших и примитивнейших целей. Это чисто тактические преимущества. В то время как другие сражались – где идеями, а где и оружием – за то, чья вера или идея скорее приведет все человечество к царству Добра и Справедливости, в той стране просто и тупо копали огороды. Да, копали огороды, строили дома богаче, еще богаче, еще и еще. Если и создавали институты и университеты, то с той же целью: как больше получить зерна с полей, построить жилища круче, как ублажить желудок, гениталии, что придумать еще, чтобы получить все радости жизни... и чтоб никаких тревог и волнений!

Они никогда не строили воздушные замки религиозных или политических учений. Замки, в которых все человечество будет жить счастливо! Они твердо знали с самого начала, что человек произошел от обезьяны. И что он и есть обезьяна, только без шерсти. Это доказал Фрейд, и каждый американец твердо знает, что у него, американца, нет ничего важного, кроме желудка и его гениталий. Он, американец, живет на земле, в отличие от всяких там русских, арабов, французов, что до сих пор не поняли, где они – на земле или между небом и землей. И когда возникла необходимость создавать эту гребаную цивилизацию, то, конечно же, она должна служить именно желудку и гениталиям. Никаких духовных и нравственных исканий!.. Никаких любовей «а-ля Ромео и Джульетта», от них одни волнения. От волнений – нервы, а от нервов – болезни. Человек должен быть здоров, для этого надо заниматься тренажерами, а не умными книжками, от которых глаза портятся.

И вот другие страны и народы, обессилев в гонке за призрачными идеями духовных исканий, падают с беговой дорожки, высунув языки и тяжело дыша, а благополучная Америка гогочет и тычет в их сторону пальцем. Пока они метались, искали, в Империи просто жили и копили денежки. Над умными книгами головы не ломали... Теперь сильная и могучая Америка, которая не верит в силу идей, а верит в мощь своего ударного Седьмого флота в составе двух авианосцев, показывает всем этим странам-очкарикам, как надо жить и какие песни петь! Особенно любит демонстрировать железные мускулы России...

Я посмотрел на часы, Хрюка остановилась и посмотрела на меня.

– Сама знаешь, – сказал я сварливо. – Пора домой.

Хрюка сделала вид, что не поняла, схватила полено и понеслась с ним по кругу. С ее седой мордой она похожа на поджарую профессоршу, что регулярно совершает пробежки.

– Я ухожу, – объявил я. – Хочешь остаться бомжиком, бегай дальше...

Я дошел до края площадки, когда сзади послышался тот же топот. Умная собака предпочла подчиниться дисциплине, чем обрести абсолютную свободу.

Когда мы с Хрюкой вышли на площадку, на другой стороне которой высится наш дом, между соседними зданиями медленно проехал черный «мерс», припарковался. Когда я войду в лифт, он сдвинется с места и покатит к нашему дому. В тот момент, когда выйду из лифта, «мерс» подкатит к подъезду.

А в тот момент, когда я покажусь из подъезда, крепкопечий Володя, шофер и телохранитель, как раз выскочит и откроет для меня дверцу. Я никогда не задумывался, как это у них получается, некоторые вещи стоит принимать такими, какие есть.

Хрюка тоже оглядывалась на далекий «мерс». Возможно, ветерок донес слабый запах. А шофера она уже знает, запомнила.

Что от нас требуется? – повторил я про себя настойчиво. Вернее, от меня одного, Хрюку если и спрашивают, то обычно не о политике. Что требуется сказать? Мир настолько и стремительно усложнился, что человек в нем потерялся. Любой, будь это слесарь или президент страны. Хотя нет. Слесарь хоть иногда признается, что ни черта не понимает, а президент признаться не посмеет...

Итак, еще раз. Нужно убедить Кречета, да и других, перестать слепо и тупенько руководствоваться как устаревшим Уголовным или Административным кодексом, так и остальными... статьями, пришедшими неизвестно откуда и от каких римлян или месопотамцев. Почему я, грамотный и неглупый человек, у которого есть на плечах голова, должен руководствоваться так называемыми общепринятыми мировыми ценностями?

Если они общепринятые, то понятно, что это за ценности! У меня с нашим дворником дядей Васей и американцем есть только одно общее: но это касается не искусства, юриспруденции или нравственных законов, а всего лишь анатомического отличия мужчин от женщин. Но у меня оно имеет меньше прав, чем у дяди Васи или американца.

Тупое и трусливое большинство, именуемое русской интеллигенцией, пугливо живет в этих рамках «общемировых». Для них шаг вправо или шаг влево – попытка к бегству из интеллигенции, после чего сразу следует выстрел.

Пусть стреляют, сволочи! Уже и так мы живем под обстрелом, но меня не загнать в колонну, которую конвоируют «общемировые ценности». Вчера было ценно одно, сегодня – другое, а завтра будет цениться третье. И все «общемировое»! Эти общемировые мне... нам навязывает не бог, а всего лишь тупенькие юсовцы, сумевшие быстренько построить свою империю желудка, пока другие возводили воздушные замки для Счастья Всего Человечества.

Внезапно меня прижало к твердому. Мысли вспорхнули, как испуганные воробьи. Ага, я уже сижу в машине, Володя вырулил на магистраль и несется, как и все, превышая скорость. Машину занесло потому, что слева пронесся лихач на потрепанном «жигуленке». Как и нас, подрезал еще одного, другого обогнал, на большой скорости пошел вперед, ловко переходя из ряда в ряд, обгоняя сверкающие иномарки. Нарушает, конечно, но красиво нарушает... Даже жаль, что такого вскоре остановят, оштрафуют, а то и вовсе отберут права. Когда все становятся стадом, плохо даже для стада...

Ближе к центру движение стало еще напряженнее, скорость снизилась. Перед перекрестками возникали пробки. Володя покосился на меня сердито, выставил на крышу маячок, начал протискиваться вперед. Обычно я не раз-решаю пользоваться подобными штуками, правительство должно жить той же жизнью, что и все, но, с другой стороны, – как будто я не насмотрелся этих пробок с балкона?

Массивные сталинские дома узких центральных улиц уплывали назад нехотя, медленно. Взамен тяжело выдвигались такие же массивные, угрюмые, несмотря на кокетливые рекламы.

Затем как удар по нервам: заблестало, словно сверкающая под солнцем глыба чистейшего льда. Я ощутил прохладу – исполинская мечеть, от каменных глыб площади и до самого верха изукрашенная изразцами небесного цвета, смотрится как межгалактический корабль инопланетян.

Москвичи к ней привыкли в первые же дни, свойство русского характера все принимать и все переваривать, но зеваки из провинции ходят стадами, их видно по разинутым ртам и вытаращенным глазам.

Володя перестраивался из ряда в ряд, обгонял, а я все не мог оторвать глаз от мечети. Огромная и блистающая, поднимается по-восточному гордо и возвышенно, без всякого раболепия перед Аллахом. Красочная, стены в изразцах, устремленная к небу, полная противоположность храму Василия Блаженного или Христа Спасителя, которые скорее походят на танки, вросшие гусеницами в родную землю, приземистые, массивные.

Володя косился неприязненно.

– Не понимаю, – пробурчал он сердито, – все равно это чужое. А чужое – значит, не наше.

Со мной можно поболтать в дороге, я разглагольствую охотно, всегда «в общем», никаких тайн не выболтаю, да и не знаю. Для меня разговор с шофером, как и с Хрюкой, всего лишь ограничение мыслей, смутных идей, что в процессе повторения обретают форму, теряют лишние слова, становятся острее и действеннее. Я ленив на переписку, там все за счет основной работы, но вот так, в быстро мчащейся машине, когда все равно заняться нечем, я могу выдать в сыром виде шоферу то, что вдалбливаю правительству уже не первый год.

– А что чужое? – поинтересовался я. – Мухаммад? Что еврей, что араб – какая тебе разница?

– Христос... К нему хотя бы привыкли. Да и заповеди его – наши заповеди.

Я покачал головой:

– Все заповеди, которые Христос повторял, взяты из иудейского Ветхого Завета. А его единственная заповедь, у него на нее копирайт, это – «Если тебя ударят по правой щеке, подставь левую»... нет, есть еще одна, такая же нереальная: «Возлюби врага своего». Скажи, хоть кто-то руководствуется этой заповедью в реальной жизни?.. Не юридивый, не пациент дома сумасшедших, а нормальный человек?.. То-то. Этот Христос сам бы помер от сердца, узри все то, что делалось его именем: крестовые походы, обращение в христианство огнем и мечом, сожжение ведьм, брунов и янгусов, давление на коперников и галилеев...

– А Магомет?

– Мухаммад сам придумал Коран, сам и воплотил его в жизнь. Сейчас треть населения земного шара живет по законам, которые создал Мухаммад. А эти законы, если – честно, совпадают с нашими человеческими устремлениями. В этом и есть сила ислама: у него слово с делом не расходится! Это не «Возлюби врага своего»... Понимаешь, Володя, в нашей России сейчас столько навоза, что мы ходим в нем по колено. Накопилось даже не со времен советской власти, а с куда более давних... Вот мы сейчас и решились разгрести. Никто не решался, а мы – решились. Это дерьмо – ложь. Судьи выносят приговоры по статьям, в которые не верят, родители и учителя учат детей истинам, которым сами не следуют... а дети что, слепые? Сила ислама в том, что ему в самом деле можно следовать!

Пока говорил про судей и учителей, он кивал, но, едва упомянул про ислам, челюсти стиснул, под кожей вздулись кастеты желваков.

– Все равно... поворот слишком крут! Как бы во что не врезаться.

– А у нас когда иначе? – спросил я горько. – Либо спим, либо догоняем, нарушая все правила...

ГЛАВА 4

Восемь крупных мужчин в добротном скроенных костюмах сидели за огромным подковообразным столом. Глаза нацелены в экраны сверхплоских ноутбуков, в огромном кабинете напряженная тишина. Секретные службы многих стран отдали бы горы золота, только бы добраться до содержимого этих хардов. Даже консервативный Коломиец, министр культуры, преодолел страх перед техникой, с удивленно-радостным лицом тыкает в клавиши, всякий раз приятно изумляясь, что ничего не взрывается. Зато телеэкраны на стенах темные, только на одном мелькает что-то пестрое, мне отсюда не видно, да и звук приглушен до невозможности.

– А, Виктор Александрович, – произнес Коломиец задумчиво, – здравствуйте! Черт, дернуло же меня на министра согласиться! Надо бы в футурологи... Спал бы до обеда.

Я взглянул на огромные настенные часы. Не знаю, что за аппаратура там еще, помимо самого механизма часов, но часы работают исправно, все еще утро. Правда, для кого-то десять часов – разгар рабочего дня. К примеру, для нашего президента Кречета.

У меня нет за столом постоянного места, я и есть министр без портфеля, а также без постоянного кресла или хотя бы стульчика. Или даже не министр, а черт-те что. То ли консультант, то ли советник, всегда называют по-разному.

– А где наш железный диктатор?

– Платон Тарасович, – сказал подчеркнуто уважительно Коган, министр финансов, – изволят быть на встрече с делегацией ООН. Точнее, они изволят принимать этот непонятный ООН.

– Значит, – сказал Сказбуш, – скоро будет.

– Пошто так?

– Ну, была бы ООН не филиалом ЦРУ, задержался бы дольше... А то они сейчас приехали на похороны академика Михлакина, видите ли! Памятник ему требуют. Как академика его мало кто знал, зато смрада правозащитника было на всю Россию...

Подошел Яузов, прислушался, пробурчал с небрежной напористостью унтера Пришибе-ева:

– Да плюньте на его труды. Ничего умного не написал. А что сам был хорошим человеком, так разве это такая уж заслуга? В России пока что хороших людей хватает. Вот на меня посмотрите!

Он захохотал, довольный, краснорожий, настоящий министр обороны, словно сошел с антимилитаристского плаката.

Коломиец поморщился, сказал укоризненно, с оскорбленным достоинством:

– Павел Викторович, вы нарушаете исконную русскую традицию. О мертвых либо хорошо, либо ничего...

Яузов умолк, только беспомощно развел руками. Даже военному министру не нашлось что возразить, а я проводил взглядом, как они холодновато разошлись в стороны и сели на дальние друг от друга края стола. Хороши у нас министры, нечего сказать. Впрочем, откуда других взять? Разве что где-нибудь на Марсе... А на земле все твердят это *de mortuis aut bene aut nihil*, в то же время перемывают косточки хоть Сталину, хоть Гитлеру, хоть Гришке Распутину.

Но в самом деле, разве не бред – если придуманное в рабовладельческом Риме, придуманное для собственных нужд, входит совсем в другие миры и начинает навязывать свои догмы? Придуманное в мире, где дрались насмерть гладиаторы, где процветала храмовая проституция, где животных и женщин использовали для половых нужд наравне, открыто, прямо на площади, где даже их верховные – боги постоянно совокуплялись с животными... и вот это пришло через века в наш мир. Почему?

Да потому лишь, что это крайне выгодно власти. Любой власти выгодно. Захватит какой-нибудь энергичный мерзавец трон, режет и душил всех, грабит, насилует, плюет соседу в суп, но вот подходит старость, у мерзавца с ужасом появляется мысль, что склеп разграбят, кости выкинут из могилы, а потомство выгонят из построенных на награбленное дворцов!

И тогда вспоминается это спасительное: дэ мортуис аут бене аут нихиль. Мерзавец у власти вдруг понимает в озарении, что в древности это придумал не замшелый мудрец, а такой же авантюрист... если честно – такой же энергичный мерзавец, который не только при жизни давил сопротивление, но и придумал, как подавить и после смерти!

Я стиснул челюсти, напрягся, стараясь не упустить кончик мысли, что повела, потащила дальше. Итак, та же умная сволочь... или другая, неважно, но тоже умная и тоже сволочь... придумала, как обезопасить не только свое имя, но даже награбленные сокровища после своей смерти! Придумала с виду такой вот гуманненький постулат: дети за отца не отвечают. Или за мать, неважно. Пусть живут в построенных на крови подданных дворцах, ходят по награбленным сокровищам, посматривают на сундуки с золотыми монетами в углах, перебирают карточки со счетами в швейцарских банках, свободно ездят на свои виллы и дворцы в Майами, откуда посмеиваются над рабами... все еще рабами крылатых фраз, навязанной рабам морали.

Мир усложнился, напомнил я себе настойчиво. Простой человек... а министры и президенты – тоже простые, у них извилин не больше, чем у слесаря, не в состоянии охватить его разом. И понять все. Не в состоянии отличить истинные ценности от навязанных этими энергичными мерзавцами. Навязанные честным, но туповатым и доверчивым простолюдинам. Меня дед учил в детстве добывать огонь с помощью огнива – до сих пор помню весь этот долгий и сложный процесс, – в школе учили каллиграфии, дважды пересдавал экзамен по грамматике, зато сейчас Word вылавливает все ошибки, подчеркивает неверно построенные фразы, указывает, где не так просклонял, услужливо предлагает варианты исправления...

Со многих понятий надо сдирать одежду за одежкой, как с кочана капусты, чтобы понять, что же из них следует. Иначе не разобраться, что в основе. А основа должна быть ясна каждому человеку. Каждому, а не только «высококвалифицированным специалистам», для которых чем больше туману – тем выше жалованье.

Почему я, нормальный человек, у которого есть голова на плечах, должен слепо руководствоваться «общемировыми ценностями»? Эти ценности – не телевизор, которым я пользуюсь, не понимая, как он работает. Ценности я должен понимать. Но я не вижу не только ценности, хоть убей, но даже смысла в «Возлюби врага своего»! Мне куда ближе и понятнее более древняя формула «Око за око, зуб за зуб».

Особенно же подозрительно становится, когда от меня требуют, чтобы я возлюбил врага своего, а сами проповедники живут по формуле «Око за око»...

Министры, а также члены администрации президента шелестели страницами блокнотов, еженедельников, слышался мягкий стук клавиш. Я, как «Летучий голландец», прошелся вдоль огромного стола. Глаза то и дело поворачивались в сторону единственного работающего телеэкрана. Хорошенькая телеведущая красиво открывала и закрывала широко нататуашенный и еще шире накрашенный ротик, играла бровками, строила глазки. Я чуть тронул верньер, с экрана донесся восторженный голосок:

«...все мечтают быть похожими на элитных топ-моделей, но только избранным удастся заглянуть в святая святых: мир фотомоделей. Мы это сделаем для вас и покажем тех, кого боготворит весь мир...»

Я ругнулся, отрубил звук вовсе. Святая святых! Раньше эти слова употребляли в другом контексте. В разном, но никогда – по отношению к тряпкам, обуви, вообще – вещам.

Это Великое Упрощение наступило за океаном, теперь накатывается и на Старый Свет. Что это? Усталость человеческого разума? Откат во тьму рефлексов?

В команде президента слышались сопение, тихие переговоры, шелест бумаг. Я наконец отыскал уютное местечко, расположился в удобном кресле, целое бюро дизайнеров рассчитывало все эти изгибы. Тело тут же расслабилось, но в животе все внутренности остались завязанными в тугой ноющий узел. А в виски начали стучать острые молоточки.

Даже если это откат разума не только за океаном, но и вообще, то все равно я буду драться, чтобы остановить тьму. Я обязан, так как я, человек, – порождение света. Стремление и движение к усложнению – вечный закон природы. Не человеческой, а вселенской. Все в мире усложняется. Начиная со Вселенной, которая из Праатома выросла в сложнейшую структуру, и кончая высшим созданием этой Вселенной – человеком. Человек тоже усложнялся, усложнялся... не плотью, разумеется, пришло время усложнения самого общества, морали, запретов, что призваны вычленивать человека из стада животного.

Человек усложнялся несколько миллионов лет на той части планеты, на которой вычленился из животного. Но вот и на другой стороне земного шара, за Мировым океаном, открыли свободные земли! Туда хлынули простые люди, очень простые. Размножились, создали общество... Оторванные от культуры Старого Света, они одичали как люди, но продолжали совершенствоваться однобоко, только как существа, которые всего лишь стараются доминировать над природой. Пока в Старом Свете спорили, сколько же ангелов поместится на кончике иглы, тем самым закладывая основы научного анализа, пока создавали симфонии и выстраивали сложнейшие философские системы, за океаном народ не ломал голову над сложными вещами – от них голова болит. Сложные этические системы были отброшены за ненадобностью, они только мешают, когда надо вскопать огород и построить забор. А раз отброшены, то отныне позволено все – как в области плоти, так и морали...

Да черт с ними, через пару сотен лет процесс, возможно, пошел бы вспять. Но этот народ с упорством простого слесаря, уверенного в своей правоте, сейчас старается распространить свои взгляды и на другие народы, на другие страны. А это наступление Тьмы. Тьму надо остановить. Доводами остановить не удастся, Тьма доводов не приемлет, но остановить все же надо. Однако там царствует человек с простой психикой простого слесаря. Он понимает только простые доводы. Чем проще довод, тем поймет легче.

А что проще довода, чем дубиной в лоб? Если понадобится, то даже атомной.

Коломиец искоса поглядывал в мою сторону. Ему явно не терпится со мной поговорить, пообщаться, поспорить. Все-таки область моей работы теснее всего соприкасается с его ареалом, а то и перекрывает, что не может не задевать министра культуры.

– Уже выкопали могилу для Империи? – поинтересовался он с ядовитой усмешечкой. – Говорят, вы на сегодня приготовили нечто особенное...

– Так и говорят?

– Точно, – подтвердил он. – Здесь стены без ушей, верно, но люди... гм...

Я ответил очень серьезно:

– Могилу они выкопали себе сами. И тем, что приняли мощную дозу наркотиков, благодаря чему на коротком отрезке времени обогнали другие страны... и тем, что провозгласили доктрину вседозволенности! На первых порах это привлекло к ним всех-всех... Не только придурков, но даже и наших интеллигентов. Вон вы, Степан Бандерович... гм... тоже клюнули так, что нос увяз, а задница торчит к услугам каждого...

Коломиец поморщился, трудно быть эстетом в этом кабинете грубых людей, но не послал меня, как сделал бы даже сдержанный Егоров, который никак не привыкнет к своей роли министра внутренних дел.

– Но что-то я не вижу, – сказал он раздраженно, – где у них уязвимое место. Да еще как раз возникшее, по вашим словам, благодаря их пропаганде свобод!

– Они отменили честь, верность, благородство, – сказал я. – Я это уже говорил, но повторяю, чтобы вы запомнили. Во всех странах и во все века палач считался чем-то настолько отвратительным, позорным, гадким, что всегда совершал свою работу... да-да, необходимую обществу!.. свою работу под маской. Вспомните, палача всегда рисуют с красным колпаком на голове, с прорезями для глаз. Палач скрывался, ибо ни один сосед не подаст ему руки, не одолжит хлеба, не позволит заговорить со своим ребенком! Но вот сейчас косяком идут юсовские фильмы, где должности палачей воспеваются, это самые лучшие люди планеты: красивые и романтические, они летают по всему свету и по заданию правительства убивают и убивают неугодных.

– Так не людей же, – возразил Коломиец, – а террористов убивают!

– Да какая разница? Палачи и раньше убивали только преступников. Во всяком случае, тех, кого в тот момент считали преступниками. Террористов в том числе. Но морды прятали потому, что... потому что я уже сказал почему! А сейчас с подачи юсовцев пришла свобода от моральных норм. Воцарился прагматизм! Но Империя побеждала лишь на том этапе, когда шла дорогой прагматизма, а все остальные, мы в том числе, – дорогой идеалов. Но теперь и мы точно так же отряхнем сковывающие нас моральные нормы и...

– Что «и»?

– ...и увидим, что ничто нас не удерживает от запуска всех ракет с ядерными зарядами в сторону Штатов. Ничто не удерживает от удара химическим оружием. От подделки долларов в государственном масштабе. Вообще от любых акций, от которых воздерживались раньше лишь потому, что так считалось «нехорошо поступать».

Коломиец отшатнулся, всмотрелся круглыми от ужаса глазами, пролепетал тихо, не уверенный, что я не шучу:

– Так почему же все-таки не запускаем?

– Только по инерции, – объяснил я любезно. – Только потому, что так «нехорошо, негуманно, бесчеловечно». Нет-нет, я не призываю тут же бабахнуть по Штатам всем ядерным потенциалом! Просто напоминаю, что не только Штаты, но и мы сейчас свободны... или должны ощущать себя свободными от моральных норм. Иначе это будет похоже на разоружение в одностороннем порядке. Я хочу сказать... и подчеркнуть, что мы вольны действовать, как нам удобнее в данный момент, а не оглядываться на общественное мнение. Вспомните, Штаты не оглядывались, когда бомбили Югославию! Или когда смели с лица земли Дрезден. И мы не будем оглядываться, когда нам надо будет провести какие-то акции, которые по старой морали показались бы чудовищными.

Коломиец смолчал, я заметил, что и другие перестали топтать клавиши, поглядывают в нашу сторону. Краснохарев наконец крикнул, глаза его повернулись к экрану, а Коган, министр финансов, пробормотал:

– Начало обещающее...

– Финал будет еще круче, – пообещал я.

ГЛАВА 5

Над Вашингтоном уже второй месяц стояло ясное безоблачное небо. Раз в неделю проходили короткие летние дожди с грозами. Как по заказу – ночью. Утром вымытая трава зеленела еще ярче, а воздух бодро трещал и сыпал искрами, переполненный бодрящим озоном.

В Белом доме зимой и летом поддерживались одни и те же температура и влажность, наряду с тремя десятками других обязательных параметров искусственного климата, но последние три дня в здании почти не прибегали к кондишенам.

Сегодня президент прибыл с опозданием на пару часов. Вообще мода не изнурять себя работой пошла с Рейгана. Тот являлся поздно, покидал Овальный кабинет рано, а в рабочее время нередко шел в личный тренажерный зал, этажом ниже, и качал железо. Его критиковали, обвиняли в забвении интересов страны, но как раз такое поведение президента лучше любых речей говорило о благополучии страны, о ее верном курсе и устойчивости доллара.

Нынешний президент был жаворонком, но по рекомендации аналитиков общественного мнения всякий раз являлся по тщательно просчитанному графику опозданий. Что делать – уже год, как в моде совы, черт бы побрал этого кумира тинейджеров Жерара Гейса! Этот рэп-музыкант просыпается в полдень и репетирует до полуночи. Приходится походить на него, чтобы не утратить популярность... Хорошо хоть волосы пока еще не требуется красить в лиловый цвет!

Сотни телекамер провожали его недремлющими глазами, молчаливые стражи передавали из рук в руки с этажа на этаж, пока он не оказался перед дверью своего кабинета. Но и тогда сперва вошел Дин Гудс, глава службы безопасности, все проверил и обнюхал, отступил от двери.

– Мышей нет? – спросил президент.

Гудс сдержанно усмехнулся. Президент великой страны не замечает, что повторяет одну и ту же шутку третью неделю.

Кабинет принял в свои объятия ласково и вместе с тем по-отечески. Сам по себе кабинет, если все еще можно такое называть кабинетом, был уникален не только абсолютной защитой от всех видов прослушивания. В свое время он был создан особым институтом по интерьеру кабинета Первого Лица. Теперь каждый, вступая в это святая святых, не случайно проникался священным трепетом.

А почему нет, подумал президент. Первые лица всегда строили себе дворцы, брали лучших женщин, а неугодных казнили в подвалах. Менялся только интерьер. И сумма затраченных средств. Ни один восточный сатрап не мог ухлопать на свой дворец, сколько ухлопано на этот кабинет. Что ж, платят не только налогоплательщики его страны, но и народы тех стран, куда пришли американцы, куда принесли свой образ жизни.

– А это уже две трети населения планеты, – сказал он вслух. – А оставшуюся треть осталось чуть-чуть дожать...

Во встроенном в стену зеркале отражалась высокая подтянутая фигура уже сидящего мужчины с красивым удлинённым лицом. К счастью, в эту декаду модно иметь интеллигентно вытянутое лицо, в то время как всего десять лет назад было бы бессмысленно баллотироваться даже в сенаторы: в моде были широкие квадратные лица с чугунной нижней челюстью.

На самом же деле он был едва ли не первым интеллектуалом в кресле президента этой страны. Конечно, как и прежние президенты, хлопал по плечам работяг на митингах, целовал их детишек, отпускал грубоватые шуточки в адрес голосовавших за него шоферов, но он в самом деле читал Китса, мог вспомнить две-три цитаты из Шекспира и даже без запинки произносил трудные для американца фамилии Шопенгауэра или Заратуштры.

Более того, он был из числа тех лидеров молодежи, которые в шестидесятые самозабвенно рушили устои, добивались свободы для негров, равных прав для женщин, снятия запрета

на профессии. Его поколение вывело американский народ на невиданную ступень раскрепощения человека. Можно бы подобрать и более точные слова, но массы его понимали, шли за ним и отдавали ему свои голоса, а что для политика может быть важнее?

Он и президентом стал на волне нового витка борьбы за свободу для простого американского человека, костяка нации. За свободу от пуританской морали, за свободу половых контактов, хоть с особями одного пола, хоть с животными. Если это не мешает жить моему соседу, любил повторять он на митингах, если не вредит моей любимой стране, а моему здоровью только дает хороший толчок, то кому какое дело, имею я соседку, соседа или их собаку?

Сейчас он прохаживался взад-вперед по кабинету, двигал плечами, разгоняя застоявшуюся кровь. Упал вытянутыми руками на край массивного стола, отжался десятков раз, в плечевом поясе приятно потяжелело от притока – крови.

Теперь у него огромный штат аналитиков, но все же основное направление цивилизации задает по-прежнему он, президент самой могущественной страны мира!

До прихода государственного секретаря надо успеть сформулировать необходимость взятия еще одного рубежа. Он вспомнил о нем, когда вчера вечером смотрел старый фильм о временах войны Севера и Юга. Рубеж серьезный, хотя о нем в последнее время просто перестали вспоминать. О нем могли бы просто забыть, но на его взятии можно поднять волну новой предвыборной кампании на второй срок! А раз так, то важнее задачи просто быть не может...

Принцип, сказал он себе почти вслух. Этот рубеж – принцип. Любые принципы должны быть объявлены порочными! Совсем недавно такое странное... странное теперь качество, как бескомпромиссность, считалось просто необходимым для человека. Бред какой-то! Если о человеке говорили, что он – бескомпромиссный, это было высшей похвалой. Как в России, так и в Германии, Франции, Америке, Японии или далекой Бирме.

Сейчас, в эпоху компромиссов, это слово уже употреблять перестали. Ругательным пока никто не решается объявить, время не пришло, его просто тихо-тихо изъяли из обихода. Пожалуй, сейчас самое удобное время так же поступить со словом «принципиальный». Удивительно хорошо подыграла в период перестройки в СССР некая партийная активистка, опубликовав статью в центральной прессе под заголовком «Не могу поступаться принципами!», где она обосновывала, почему по-прежнему верна советской власти. В тот момент советскую власть ненавидели все люто, как во всем мире, так и внутри страны – даже рядовые члены партии, так что слово «принципиальность» у многих простых и даже очень простых людей сразу прочно связалось с устоями ненавистной советской власти...

Так что надо сперва ударить по слову «принцип». Да-да, именно ударить, врезать, шарахнуть так, чтобы брызнули осколки этой некогда несокрушимой твердыни! Развернуть кампанию в прессе, а затем потихоньку слово «беспринципный» вытащить как синоним свободно мыслящего человека. Свободного от оков старого мира, старых замшелых понятий. Молодежь легко ловить на то, что она должна... просто обязана придерживаться других принципов, чем родители. Родители – это прошлое, и потому их понятия и образ жизни – тоже прошлое! Родители – это обязательно ретроградство, это обязательная тупость и непонимание современных реалий жизни, несмотря на весь хваленый жизненный опыт и даже их ученые степени и заслуги. Все, что пришло от родителей, – плохо, несовременно, устарело. Эти молодые придурки никогда не замечают, что ими руководят старые монстры...

– Итак, – повторил он, – посмотрим, с какой стороны атаковать эту твердыню, этот железобетонный Принцип... Посмотрим, что на этот вызов сумеют ответить русские!

На столе мелодично звякнул звонок. Сверхплоский экран засветился, миловидное лицо его секретарши Мэри выступило из полутьмы.

– Господин президент, – промурлыкала она, – к вам государственный секретарь...

– Зови, – разрешил президент.

Массивная дверь, строгая и без излишней роскоши, открылась рассчитанно медленно, в этом здании ничто не должно двигаться с недостойной поспешностью.

Государственный секретарь, низкорослый человек с огромными залысинами, вошел, ступая неслышно, подтянутый и суховатый, с выражением значительности на желтом, как старый воск, лице. Голос его был, как и жесты, сдержанным и суховатым.

Серые выпуклые глаза смотрели пристально, но, встретившись взглядом с президентом, он намеренно опустил глаза. Все в правительстве знали, что президент, подобно вожаку павианов, не выносит прямых взглядов, сразу усматривая в этом вызов.

– Добрый день, господин президент, – сказал секретарь ровным протокольным голосом. – Надеюсь, он у вас, как и у всей страны, добрый...

– Добрый, добрый, – благодушно подтвердил президент. – Привет, Виль. Что-то ты весь какой-то серый. В серые кардиналы метишь?

Расхохотался своей шутке, тем более что во всем Вашингтоне он один знает, что такое серый кардинал и чем он отличается от того таракана в красном, который присутствовал на инаугурации.

Государственный секретарь на всякий случай улыбнулся осторожно, положил на стол папку.

– Господин президент, здесь рекомендации наших специалистов по имиджу, а также группы ведущих психоаналитиков...

Президент поморщился:

– Что они хотят?

Секретарь развел руками. Он знал, как и президент знает, что оба лишь крохотные винтики в огромной государственной машине. Каждый делает то, что надо делать, но аналитики позволяют эти эскапады, когда наедине перед зеркалом или доверенным лицом можно заявить, что этого он делать не будет или не хочет...

– Предлагается организовать утечку информации, – сказал секретарь деловито, – что вы, господин президент, являетесь гомосексуалистом.

Президент поморщился сильнее:

– С какой стати?

– Нам нужны голоса сексменьшинств, – объяснил секретарь. – По сути, они уже являются практически большинством. Не сами гомосексуалисты, а вообще... Было предложение привнести в вас... то есть в ваш образ, нечто более экзотичное... ну, скотоложество или мазохизм, но после трех дней совещаний и дискуссий в Институте Имиджа Первого Лица пришли к выводу, что наименее уязвим гомосексуализм. В этом есть нечто даже мужественное, в то время как мазохизм или педофилия... гм... Словом, сегодня предполагается организовать утечку информации.

– Надеюсь, – спросил президент сварливо, – без фото или скрытых съемок? Просто слушок?

Секретарь ответил с некоторой заминкой:

– На первом этапе – да.

– Что, будет и второй этап?

– Только, – успокоил секретарь, – если возникнет необходимость в подпитке. Но и тогда вовсе не обязательно будет снимать именно вас. Достаточно взять похожего на вас человека... Это послужит и страховкой, всегда можно дать задний ход, опровергнуть.

Президент побарабанил пальцами по столу. Ногти были холеные, покрытые тремя слоями лака, тщательно обработанные.

– А не потеряю ли голоса, – поинтересовался он задумчиво, – нормальных людей?

Секретарь, обычно быстрый в подборе нужных слов, снова чуть задержался, и президент это заметил.

– Нормальных людей, – ответил секретарь осторожно, – все еще в стране больше, чем представителей секс-меньшинств... но они, как бы сказать точнее, на обочине. Сейчас преимущество отдается сексменьшинствам, из которых группа гомосексуалистов – самая влиятельная. Она имеет в конгрессе и сенате около трети мест, тиражи журналов гомосексуалистов растут по экспоненте, у них уже три самых популярных телеканала, собственные банки и корпорации... Им выделяются особые пособия, так что нормальный человек чувствует себя не то что обделенным финансово, что имеет место тоже, а... как совсем недавно было дурным тоном назвать негра негром – обвинят в расизме! – точно так же сейчас открыта дорога гомосексуалистам. Стоит студенту назваться гомосексом, у него принимают зачет, только бы не нарваться на обвинение в предвзятости. Гомосексуалистам открыты высшие должности в государстве, в обход правил и в ущерб более достойным гражданам... Словом, сейчас в стране имеет место быть настолько мощное общественное мнение... что ни один из так называемых нормальных не рискнет выразить свое недовольство президентом-гомосексуалистом. Более того, проголосует именно за кандидата-гомосексуалиста, только бы не подумали о его предрасположенности к расизму, не заподозрили в ксенофобии...

Президент фыркнул:

– Как будто голосуют не тайно!

– Господин президент, вы же знаете, – сказал госсекретарь с мягкой укоризной, – девяносто девять процентов американских граждан уверены, что потайные камеры следят за их бюллетенями. А потом тайные службы сортируют благонадежных и неблагонадежных. Так что каждый стремится проголосовать так, «как надо».

Президент развел руками, неожиданно улыбнулся:

– Но об этом же не говорят? Нет. И мы не будем опровергать. Главное, чтобы голосовали как надо. Как нам надо!.. Что у тебя там еще?

Госсекретарь положил перед ним раскрытую папку. Вопрос насчет гомосексуальности президента страны был деликатно опущен, что означало молчаливое разрешение начать кампанию. Но осторожную и деликатную. В случае провала президент с возмущением прикажет отыскать виновных, распутивших о нем такие гнусные слухи.

– Это статистика роста наших войск за рубежом... Это количество кораблей в Дарданельском проливе... Это рост активистов за права человека...

Президент снова поморщился. Он сам чувствовал, что морщится чересчур часто, а от этого закрепляются морщины, надо будет последить за своим лицом. Или дать распоряжение ребятам из Института Психологии Первого Лица.

– С правами человека, – сказал он значительно, – пора взять некоторый тайм-аут... Или хотя бы слегка затормозить. Эта великолепная идеологическая бомба сработала даже мощнее, чем ожидалось! Был разрушен Советский Союз, вдрызг разлетелся ужасающий по мощи Варшавский блок. И вот теперь, когда для НАТО нет больше в мире равных соперников, эти дурацкие права человека могут теперь вредить и нам самим, ибо ими оперируют только слабые нации и слабые государства. Да, теперь можно признаться: мы, США, боялись мощи СССР! Дико боялись, до обморока, до визга. Теперь в мире нет другой силы, кроме войск США. Так что забудем про эту химеру, которую мы создали для потребления других... но не для себя! Убивайте этих чертовых сербов, не считаясь, кто там с погонами, а кто без. Убивайте арабов, а потом начнем так же точно убивать русских, жидов и всех прочих, кто мешает... нет, даже может помешать нашей победной поступи!

Государственный секретарь позволил себе тонко улыбнуться:

– Я счастлив, что вы со мной разговариваете столь откровенно. Но сегодня в три сорок у вас выступление перед студентами университета. Туда уже съехались телеоператоры всех компаний мира. Надеюсь, там вы будете более осмотрительны в выборе слов?

Президент расхохотался:

– Да, я должен выглядеть и говорить настолько величественно и важно, чтобы простой народ не усомнился в моей святости. И святости слов, которые я изрекаю. Над этими словами сейчас работают две сотни лучших специалистов в области психологии и лучшие лингвисты... Но мы-то с тобой знаем, что наша главная цель проста. Настолько проста, что вслух ее проносить нельзя. Иначе вся система создаваемых нами ценностей... ха-ха!.. создаваемых для остального мира, рухнет! Цель проста: уничтожить противника. Захватить его богатства. На примере Ирака, Югославии мы убедились, что остальной мир либо слабо протестует, чтобы «сохранить лицо», либо трусливо старается присоединиться к победителю. Так что мы можем смело расширять арену своих действий! Как там насчет движения крымских татар? Не пора ли их начинать снабжать оружием? Послать туда инструкторов? Через некоторое время можем начать бомбардировки, а Украина настолько сейчас перегавкалась со всеми, особенно с Россией, что даже Кречет не станет ее поддерживать...

– Господин президент, я предусмотрел ваше желание... Да, такая у меня работа! Специалисты обещали собрать к сегодняшнему утру всю необходимую информацию. Да, хорошо бы оторвать такой лакомый кусочек, как Крым...

ГЛАВА 6

Они не зря поглядывают на меня, как мыши из норы. Даже язвительный Коган отводит взгляд, а Коломиец старается не коснуться меня рукавом, чтобы не подхватить бациллу неинтеллигентности. То, что мне сегодня предстоит, я бы не назвал легкой задачей. И трудной не назвал бы. Передо мной поднимается титановая стена, а я перед ней стою с пустыми руками. Правда, когда-то несокрушимые для таранов стены Иерихона пали от звуков простой трубы...

Да, смысл старого сообщения давно утерян. Теперь все придурки... а кроме меня, все на свете придурки... уверены, что труба была какая-то волшебная. Размечтались, емели всех национальностей! Ни фига подобного. А вот ни фига, ибо нет на свете золотых рыбок, говорящих шук и волшебных дудок. Нет!

Но была труба, через которую тогдашний футуролог Никольский выкрикивал доводы, стараясь докричаться до противника. Весомые доводы. Убийственные, сокрушающие!

Докричался. Услышали. Задумались. И – рухнула стена. Могучая и несокрушимая стена, которую не могли разбить ни лихие наскоки легкой конницы, ни удары сотен таранов, ни тщательная осада. Надо и мне рушить, только надо уметь подбирать звуки в этой трубе потщательнее...

Черт, тот же... ну, который дудел... то есть выкрикивал, как жить правильно, в чем есть Истина и ради чего жить и умирать... он же сумел? Он же отыскал те единственно верные слова, от которых Стена рухнула?

Итак, пока Кречет еще разбирается с комиссией из ООН, попытаемся сформулировать то несвязное, что я должен промычать президенту и его правительству. Итак, все люди на Земле всажены в определенные тела и помещены в определенные эпохи. Рожденный в Древнем Риме, я, возможно, считал бы императорскую власть единственно правильной, ходил бы на гладиаторские бои, а после трудового дня посещал бы храмовых проституток.

Родись я в Древнем Киеве, то приносил бы в жертву священному дубу пленных хазар, имел бы несколько жен, по вечерам бил бы палкой статую бога Велеса, требуя больше приплода моим козам.

Но я родился здесь. В теле самца, человека, живу в конце двадцатого века и тоже, как древний римлянин, привычно считаю, что вот сейчас самые правильные наконец-то законы и мораль... ну чуть-чуть шероховатая, дает сбои, но все же самая правильная. Менять уже ничего нельзя. Даже я, футуролог Никольский, то и дело скатываюсь к этому привычному ощущению, а что говорить о простом люде? А мы все простые-простые...

Да что там Рим или Хазария! Сам еще помнишь время, когда женщина просила стыдливым шепотом обязательно погасить свет, мужчины стрелялись, а обесчещенные женщины бросались из окон, с крыш, с моста, травились, вешались... Тогда это считалось нормальным, а как же иначе, и вот сейчас ты тоже считаешь нормальным, что мир может быть только таков, какой сейчас, мораль именно сегодняшняя самая верная, именно таким все и должно быть, и все должны играть именно по этим правилам!

Хотя нет, ты так не считаешь... когда встряхиваешься, как выбравшийся из воды пес, и ошалело оглядываешься по сторонам. Ну да, ты ж умный, ты догадываешься иногда, что надо встряхнуться и оглядеться по сторонам, посмотреть как бы из другого измерения, и тогда видишь все нелепости, все временности. Но весь мир, можно сказать, считает, что жить и понимать надо только так, и никак иначе. Люди слишком мало живут! Потому всем кажется, что живут в статичном, неизменяющемся мире. А изменяется он как бы где-то помимо нас и сам по себе.

Ни хрена! Мы его и меняем.

Только... только надо отыскать слова, перед которыми рухнет Стена.

От окна слышится журчание серебристого ручейка. А в хрустально чистую воду время от времени какая-то свинья швыряет тяжелые камни. Это гладко и красиво журчит Коломиец, на то он и министр культуры, чтобы журчать, а нахальные реплики бросает грубый Яузов, министр обороны. Потом всплески пошли чаще, журчание перешло в шум порогов, а то и водопада, а тут еще подошел Коган, все трое разгорячились, реплики пошли жестче, злее.

Я прислушался, поморщился. Перемывают кости Штатам... Нет, еще хуже – американскому президенту.

Я смотрел на экран, краем уха слушал их споры. Тугой узел в желудке развязываться не желает. В кабинете Кречета хорошие люди, честные и искренние. Более того – умные. Но вот нападают по мелочам, по частностям. Ах, какая благодать – кости ближнего глотать... Эти глодают кости дальним, но все же грызут кости не системе, а личностям. Ну какая разница, подонок американский президент или святой подвижник? Его конгресс и сенаторы – все сволочи или же сверхзамечательные люди?.. Нет на свете человеческих институтов, куда бы не пробрались мерзавцы и не заняли главенствующие позиции! Нет таких, чтоб не начали хапать, хапать, хапать, а властью пользоваться для того, чтобы ставить в нужную позу молоденьких практиканток из Израиля, или откуда там они прибыли.

Так же точно нет на свете политического учения или религиозного, где пламенных подвижников не сменили бы практичные и циничные дельцы. Так было и с коммунизмом, и с христианством, и так сейчас в любой секте или обществе по спасению пингвинов. Боюсь, так будет еще долго. Вот мы сейчас, в кабинете Кречета, – подвижники. Горим и пылаем, но на смену нам придут... кто? Как ни печально, но с неизбежностью начнут приходить люди, у которых личные интересы выше интересов России...

И что же делать? Как предотвратить?.. Увы, вряд ли это удастся. Но кто предупрежден, тот вооружен. Хоть в какой-то мере... Обличать пороки американского президента, его окружения, клеймить гомосексуализм в штатовской армии и пинать прочие мерзости их образа жизни – это бить мимо мишени. Да, ответит ревнитель демократии, есть у нас мерзавцы и сволочи! Да, пробираются даже во власть! Иногда вся верхушка из одних мерзавцев. Но и они, скованные нашим образом жизни, вынуждены вести страну прежним курсом. А если набили заодно и карманы, то для такой богатой страны велик ли ущерб? Да, наши люди продажны, подлы, но это не значит, что плоха сама система американского образа жизни!!!

Так что если уж Коломиец в самом деле хочет пообличать американский образ жизни, то надо обличать сам... образ. Американский образ, американскую мечту, а вовсе не людей, одни из которых искренне следуют этой мечте, другие прикрываются идеалами демократии, чтобы грести под себя и хапать, как делали они же при коммунизме, при фашизме и прочих измах.

Более того, обличать надо не пороки буржуазных, демократических, коммунистических или прочих строев! Да, не пороки. Надо присмотреться как раз к достоинствам. Не тем, против которых, к примеру, в тех же Штатах ведется борьба, хоть и вяленькая, а которые золотыми буквами на победно реющих знаменах. Под которыми они несут, как они считают, «свободу и демократию» другим странам.

Вот здесь только и есть место для настоящей критики американского образа жизни. А если бить по гомосекам, казнокрадам, развратникам, лихоимцам – то они были и в высших эшелонах церкви, и в аппаратах Гитлера, Сталина, Черчилля, Мао Цзэдуна, и все прикрывались либо рясами, либо партийными билетами.

Итак, как говаривал Козьма Прутков, надо зреть в корень. А корень любого учения – идеал, за которым надо идти. Точнее, предлагается идти. В христианстве это – подставляющий щеки Христос, в коммунизме – Павка Корчагин, в исламе – ваххабит, в фашизме – чистый расовый тип.

А что в идеале американского образа жизни? Конечно, всем нам хочется жить богато и безмятежно, но все-таки... тогда придется отказаться и от той культуры, которую в муках создал Старый Свет. Самый простой пример: чтобы не страдать от мук любви и ревности – юсовцы саму любовь заменили простым сексом. В этом случае все мужчины и все женщины легко взаимозаменяемы. Трагедия Ромео и Джульетты уже нелепость, вывих здоровой психики. Ну подумаешь, появились сложности, родители против. Но вокруг столько свободных парней и девушек!

И так же, как и с любовью, юсовцы упростили всю духовную жизнь человека. Свели к минимуму. Сейчас это те же разумные животные, какими были римляне в своем могучем и непобедимом до поры до времени Риме, владыке обитаемого мира, не знающем соперников. Римляне считали свой образ жизни лучшим из всех существующих, потому что он наилучшим образом удовлетворял их сиюминутные потребности.

Но судьбу Рима знаем.

Только как-то не верим, что все повторяется... И что именно нам предстоит разрушить этот четвертый Рим.

Коган прислушался, сказал вдруг:

– А почему так категорично? А если мирно сосуществовать?

Я смутился:

– Что, бормотал вслух?.. Надо же! Готовлюсь, как перед выступлением на площади. Сосуществовать не получится, вы это знаете. Либо они нас, либо мы их. Их не остановить, они уверены в собственной правоте.

– Звэрь, – с чувством сказал Коган почему-то с кавказским акцентом.

От суматошных мыслей разогрелся череп. Я поднялся, пусть кровь отхлынет в ноги, тихонько отошел, чтобы не мешать работающим людям.

За длинным широким столом восемь мужчин горбятся за ноутбуками. Как простые программисты горбятся, но никому не придет в голову принять их за программистов. Те не бывают такими массивными, медлительными, сдержанно величавыми. Нет, отдельные экземпляры бывают, но чтоб все восемь...

Правда, Коган худой, как червяк, вернее – как финансовое положение страны, но и в нем видна эта министрость, с программистом не спутаешь. Даже с самым толстым.

Вообще-то у каждого из этой восьмерки есть свой кабинет, свое министерство с его многочисленным, как муравьи, штатом. Да и вообще правительство и администрация президента заседают отдельно... но это в устоявшихся благополучных странах. Мы же третий год живем в состоянии постоянного аврала, пожара, кораблекрушения.

Дверь без скрипа отворилась. Марина вошла с большим подносом в руках. На эту простую обязанность подавать горячий кофе команде президента зарятся многие дочери высокопоставленных особ, но Марина много лет подавала кофе самому президенту... правда, тогда он был далеко не президент, так что и эту обязанность оставила за собой.

– Виктор Александрович, – сказала она с мягкой улыбкой, – ваш кофе... ваш биг-мак, хотя это и не патриотично. Кстати, я вам положила сахару на ложечку меньше...

– Почему? – сказал я сердито. – Кофе должен быть крепким, горячим и сладким!..

– Наш медик полагает...

– Медицина – пока еще не наука, – отрубил я нарочито сварливо. – Мой желудок лучше знает, что он изволит. Когда мне было двадцать, я в такую чашку сыпал восемь ложечек! А когда стукнуло сорок, такой кофе вдруг начал казаться сладким. Я перешел на шесть. А теперь вот довольствуюсь всего четырьмя!!!

Марина с улыбкой покосилась на моего соседа. С гримасой сильнейшего отвращения на меня смотрел как на плебея, даже отодвинулся брезгливо, Коломиец, министр культуры. Этот аристократ пьет кофе вообще без сахара. Похоже, даже с юности, если он когда-то был юным.

Горячий кофе взбодрил, вялые мысли потекли быстрее, побежали вприпрыжку. Итак, «тайный кабинет» Кречета работает практически в том же составе. Здесь люди не только честные... или сравнительно честные, но, главное, – не страшатся кошку называть кошкой. Ведь сейчас достаточно указать пальцем и крикнуть «фашист» или же «антисемит», а теперь к этому списку бранных слов добавилось еще и «патриот», чтобы девяносто девять из ста тут же умолкли, остановились и, растеряв все доводы, начали испуганно оправдываться, что они вовсе не фашисты, не антисемиты, «даже друг еврей имеется». После чего такой деятель вовсе покидает поле боя, забивается в норку и дрожит в ужасе: на него такое могли подумать!!! А та сторона выходит победителем только потому, что у толпы на определенные слова уже выработаны, как у животных, определенные рефлекссы.

К примеру, если германские нацисты взяли для своих знамен древнейший арийский знак изображения солнца, тот самый, который существовал затем в античные времена, Средневековье и до наших дней – на церковных одеждах, то теперь этот знак объявлен запретным. Да не только в законах туповатых стран, но этот рефлекс вбит в мозги обывателя. Того самого, что недалеко ушел по уму от подопытной обезьяны.

Те же эксперименты проделаны с цветом. Коричневый – вызывает устойчивые ассоциации с германскими штурмовиками, а модельеры старательно избегают его, красный – с советской властью, знаменами Октября, что тоже нежелательно, голубой – сионисты и гомосеки... художники всячески изворачиваются, чтобы не изображать такие привычные для символики множества стран и народов предметы, как серп и молот, ибо их успели поиметь на гербе СССР...

Плевать! Я – не дрессированная обезьяна. Я свою голову загаживать не даю. И не пускаю туда ничего насильно, прет ли оно как танк с экрана рекламой или же заползает доверительным голосом приятеля на кухне, который с позиций интеллигента кроет власть, политику и даже гадов на Западе.

У меня есть мозг, который сам отбирает, оценивает, взвешивает. И даже пусть сам господин К., лауреат и международное светило, скажет мне, что дважды два равняется пяти, я отвечу ему: хрен в задницу, господин К.! Уже то, что вы – лауреат и медалист, говорит о том, что вы – на службе. И отрабатываете верной службой на задних лапках.

Коломиец с тем же ужасом на благородном лице аристократа дождался, когда я сжевал непатриотический биг-мак и выцедил остатки кофе.

– Что-то у вас лицо злое, – заметил он осторожно. – Ничего себе не прищемили?

– Я давно уже не танцую, – ответил я. – Да и вообще танцевать не любил.

– Что-то мешало? – осведомился он с утонченностью бывшего поэта.

Но глаза его оставались настороженными, цепкими. С другой стороны ко мне приблизился Яузов, а Сказбуш, глава ФСБ, стоял так, что мог при желании держать меня краем глаза, не поворачивая головы, и прислушиваться даже к интонациям моего голоса.

Коган же сказал с простодушием русского крестьянина:

– Виктор Александрович, мы все знаем, что на сегодня вы должны были приготовить нечто особенное. Поделитесь, а? Когда придет президент, мы ему покажемся такими умными-умными!

Я пожал плечами:

– Вы все знаете, о чем пойдет речь. Империя нас почти поставила на колени, теперь дожимает. Она ударила в самое больное, мы просто обязаны тоже... Это называется ответить адекватно. Все об этом говорят, но пока это только слова. Ответить адекватно – это ударить по их твердыне! Имперцы сами попались, не замечая того, в ловушку собственной пропаганды.

Они объявили высшей ценностью всего лишь жизнь, а для этого трусость возвели на то место, где раньше были отвага и доблесть.

– И мужество, – сказал Коломиец горячо, – когда я слышу, как мужчин называют мужиками, у меня все вскипает. Даже внутри!..

– А снаружи? – поинтересовался Коган.

– Везде вскипает, – заявил Коломиец. – Я далек от того, чтобы каждого, называющего мужчину мужиком, записывать в агенты Империи, все-таки дураков у нас больше, чем агентов...

Яузов поднял голову от бумаг. Глаза покрасневшие, прорычал:

– Не хотите же сказать, что наш Сруль Израилевич дурак?

– Нет, конечно, – отшатнулся Коломиец.

– И я тоже, – согласился Яузов самым зловещим голосом. Он повернулся к министру финансов всем корпусом и посмотрел на него в упор. – Я вот тоже человека в кресле министра финансов не рискну назвать дураком. Но если он не дурак, то он не иначе как шпиён...

Коган запротестовал:

– Я как раз никогда не употребляю этого слова! Это вы тут друг друга мужикуете... Виктор Александрович, эти русиш швайн прервали вас на самом интересном месте. Вы предлагаете... тьфу, сбили! Что вы имеете нам сказать за этих бычков?

Я помолчал, давая всем умолкнуть, повернуться ко мне. Когда начали смотреть уже с нетерпеливым ожиданием, сказал мирно:

– Сказать?.. Ответить адекватно – это не значит обязательно раскрыть рот и поколебать воздух. Если американцы начнут терять то, чем дорожат больше всего, это и будет адекватным ответом. А сделать это легко, ибо они сейчас расползлись по всей планете в виде туристов, миссионеров, журналистов, проповедников, Красного Креста, Полумесяца, Корпуса Мира и черт-те чего еще. Но все мы знаем, что главная их миссия – рушить устои тех стран, где они ползают, и навязывать американский образ жизни!

Все молчали. Коган помотал головой, несколько озадаченный:

– Что-то вы уж очень медленно подкрадываетесь к цели. На вас это не похоже. Вам всегда плевать на мнение общественности, а сейчас как будто начинаете к ней прислушиваться...

– К общественности? – спросил Яузов.

Он остро взглянул сперва на Когана, потом себе под ноги. Даже приподнял ногу и, двигая мохнатыми бровями, посмотрел на рифленую подошву.

– В нашем лице, – пояснил Коган. – Итак, что вы хотите сказать?

Я огрызнулся:

– Вам надо сказать прямо? В лоб? Сами постоянно напускаете тумана вокруг любого пустячка, а я вам вслух и прямо? Ладно, вот вам прямо. Я считаю, что пропагандистов надо уничтожать точно так же, как солдат в окопах. Может быть, даже в первую очередь. А они там все – пропагандисты. Правда, в самой Империи это сделать проблематично, зато по всей планете, где расползлись эти заразные тараканы, они уязвимы!

Коган раскрыл рот, но ответить не успел, по кабинету прошло незаметное изменение. Все разом подтянули животики, перестали сопеть и чесаться.

ГЛАВА 7

На столе Первого Лица музыкально звякнуло. С экрана Мэри улыбнулась именно президенту, игнорируя госсекретаря:

– Господин президент, в приемной военный министр. Он говорит, у него назначено...

– Пропусти, – разрешил президент. – Мы с ним сейчас отправимся к студентам.

Госсекретарь вскинул одну бровь, изогнув ее красиво, как научили тренеры из Института Имиджа государственных деятелей.

– А что военному министру делать у студентов?

– Студенты – это будущие солдаты, – усмехнулся президент. – Хотя об этом еще не знают.

Пока мы будем поддерживать веру в непобедимость и несокрушимость нашей армии – в нее будут идти добровольно и тупые негры из Гарлема, и высоколобые из Санта-Рок. Армии нужны те и другие...

– Да и вообще, – согласился госсекретарь с двусмысленной улыбкой, – наш военный министр специалист... по студентам. И студенткам тоже.

Президент сдержанно улыбнулся. Госсекретарь пустил тройной намек: на гомосексуальные наклонности военного министра, на ту практикантку из Израиля, которую он подставил предыдущему президенту, и даже на то, что предыдущему президенту пришлось еще хуже, чем ему, нынешнему: всего-то потерпеть намеки о его склонности к однополому факанью.

Тогда лишь узкий круг знал, что Моника Левински всего лишь выполнила рекомендованный специалистами по имиджу президента план. Грандиозный скандал отвлек общественное внимание от ударов крылатыми ракетами по Ираку, от глупостей в Югославии, все население страны со слюнями до пола обсасывало интимнейшие подробности, сравнивало фотороботы, которые нарисовала Моника, с тем самым, что президенту пришлось выкладывать на стол перед многочисленной комиссией из сената, конгресса, влиятельными журналистами, телеоператорами, обществом защиты работающих женщин...

Зато в процессе долгого затяжного скандала подсознательно каждый налогоплательщик убеждался, что в стране все хорошо, все замечательно, вон даже президент, как школьник, стоит навытяжку перед всеильным законом, других проблем нет, бюджет – о'кей, будущее – о'кей.

И в самом деле, благодаря умело созданному и срежиссированному скандалу, доллар на всех международных биржах принес стране свыше восьми миллиардов только на скачке курса!

Что ж, если его гомосексство принесет стране хоть пенни, то он хоть сейчас готов спустить брюки и встать в нужную позу. Избирателям это понравится.

Дверь открылась, на пороге возникла массивная фигура. Плечи военного министра перегородили проем, задница плечам под стать, а глаза цепко сфотографировали всех и все в кабинете. Президент и государственный секретарь чувствовали, с какой скоростью военный министр мгновенно оценил обстановку, уловил настроение президента и государственного секретаря. Умелый политик, он все еще не в состоянии отличить танк от самолета, но как никто умеет лавировать в коридорах власти, избегая малейших рифов.

– И те и другие, – подхватил он бодро. – Наш президент видит будущее как никто четко.

Лесть была настолько грубая и неприкрытая, что польщенный президент все же невольно заподозрил, нет ли издевки, но военный министр смотрит преданно, как верный служебный пес.

– Да все мы видим, – ответил он, лояльный к сотрудникам. – Это в России свои же обгаживают армию так, как не смогли бы навредить даже мы! А мы свою лелеем...

Военный министр приблизился с широкой доброжелательной улыбкой. Государственный секретарь повернулся к нему с кислой физиономией. Президент с самым доброжелательным

лицом протянул руку, военный министр с обоими обменялся рассчитанно крепкими, но дружескими рукопожатиями. Он еще перед дверью в кабинет старательно напрягал пальцы, стараясь послать в ладонь добавочную порцию крови, чтобы сделать свою холодную ладонь теплее, а рукопожатие – горячим.

Президент взглянул на часы:

– Присядьте, Келвин. У нас есть еще десять минут до выхода. Да, и пусть агенты хорошо перешерстят толпу этой длинноволосой сволочи. Мне вовсе не хочется, чтобы кто-то запустил в меня огрызком яблока!.. Как у вас дела? Мы вот только что говорили с госсекретарем, что сейчас у нас, как никогда, уникальное положение. Мы сумели всему миру навязать те правила, по которым с нами могут воевать. Мы практически неуязвимы! Но, как я учил в университете, Господь Бог всегда у самого неуязвимого оставлял хоть одно-единственное уязвимое место... до которого трудно добраться, но одно все-таки существовало! У доблестного Ахилла – это пята, у Зигфрида – пятно на спине, куда прилип кленовый листок, у Сослана – колени... и так далее. Вы уверены, что мы защищены стопроцентно?

Военный министр громыхнул:

– Армия защищена идеально!

Госсекретарь сказал саркастически:

– Насколько я понимаю, назначение армии – не себя защищать, а свою страну. Население, так сказать. И территорию.

Келвин, военный министр, сказал холодно:

– Как вы знаете, мы давно уже защищаем свою территорию... очень далеко от границ США. И даже от границ американского континента. И – вообще на другой половине планеты, если вы видели когда-нибудь глобус.

– Глобус? – спросил госсекретарь саркастически. – В наше время объемные объекты лучше рассматривать на экране компьютера... Вы слышали о компьютерах?

– Слышал, – буркнул военный министр. – Но вам лучше бы даже не намекать на причастность к некой разрабатываемой операции.

– Какой? – спросил госсекретарь невинно. – Мы все время разрабатываем разные операции. Стратегическая инициатива в наших руках. А что имеете в виду вы?

Военный министр бросил взгляд на президента, хмыкнул презрительно.

– Ладно, – буркнул он, – если вам в самом деле хочется услышать про наши уязвимые места... что за мазохисты – не понимаю... то могу напомнить, что сейчас белые составляют абсолютное большинство населения США... с перевесом в полтора процента. Соотношение изменится уже через три месяца. Но белые будут составлять большинство еще два года, хотя уже не абсолютное. На втором месте – негры... простите, американские граждане афро-азиатского происхождения...

Президент раздраженно прервал:

– Этот кабинет защищен от прослушивания! И записи здесь не ведутся!

И хотя военный министр знал, что записи ведутся, уже самим аппаратом президента, но повторил послушно:

– Да-да, негры. На третьем – латиносы, на четвертом – азиаты. Через пять лет белые будут оттеснены на четвертое место. Вперед вырвутся азиаты. В основном выходцы из Гонконга, островов, материкового Китая. Даже негры и латиносы пропустят их вперед. А через десять лет... это так мало!.. наша страна превратится в территорию, населенную азиатами, с небольшими вкраплениями негритянского населения и совсем уж крохотными пятнышками белого меньшинства... Интересно, что половина страны все еще будет говорить на английском... хоть и очень скверном. Другие регионы, понятно, перейдут на более привычные им языки. С точки зрения военного... это крах нашей армии! Сейчас она держится на тупых неграх-сержантах, которыми управляют белые генералы. На сверхсовременных самолетах, которыми управляют

только белые! Негров мы с трудом научили стрелять из винтовок, но ни одна из этих черных обезьян не в состоянии поднять самолет в воздух! Но черные – военные гении в сравнении с этими азиатами, папуасами, готтентотами и прочими желтомордыми, латиносы те или китайцы. Исходя из этого, нам крайне важно суметь разрушить Россию... а она все еще могучая держава!.. до того времени, когда... Америка уже не будет... гм... той Америкой, которую мы знаем.

Президент отмахнулся:

– Когда это случится, говорите?.. Мой срок президентства к тому времени уже кончится. Да и вы успеете выйти на пенсии. Так что вернемся к сегодняшним проблемам. К счастью, сейчас за штурвалами новейших самолетов, в рубках управления авианосцев, подлодок, ракетных станций – только белые. Наши интересы мы защищаем крылатыми ракетами и бомбардировщиками... ха-ха!.. с большой высоты. Так что благодаря белым высококлассным специалистам у нас без потерь, а у противника... то есть в умиротворяемых районах, земля горит под ногами!

Военный министр сказал примирительно:

– Вообще-то я привел самые жесткие цифры. Но часть аналитиков считает, что белое меньшинство на высших должностях... как в армии, так и в правительстве, сумеет продержаться на три-пять лет дольше тех сроков, о которых я говорил.

Госсекретарь смолчал, а президент сказал благодушно:

– Ну тогда вообще все прекрасно. Особенно сейчас, когда страна на вершине могущества. Ливан, Босния, Косово... Пожалуй, наше единственное уязвимое звено – это те, кто все эти крылатые ракеты строит, делает бомбы, оплачивает... Они имеют дурную привычку ездить за рубеж, на курорты. Впрочем, это тоже часть нашей программы – распространять наше влияние. Дескать, смотрите, как весело и беспечно живут американцы! Слушайте, и вы будете жить так же... А насчет их безопасности...

Он взглянул на госсекретаря, тот понял, сказал с подъемом:

– Должен уточнить, господин президент, что их безопасность не была бы столь... абсолютной, если бы не ваша деятельность еще студенческим лидером, а потом сенатором и конгрессменом! Это вам удалось добиться выделения трех миллиардов долларов на систему внедрения противнику новых взглядов на ведение военных действий... Нет, эти правила ведения войны объявлялись обязательными для всех, но, как мы знаем, что для одних благо, для других – гибель. Как только удалось внушить миру, что воевать можно только против тех, кто носит погоны, – мы обеспечили себе победу в любой будущей войне! К тому же так воевать можно не против всех в погонах, а только против тех, кто непосредственно воюет против вас. То есть против того, кто стреляет именно в вас! Не знаю, надо ли говорить, насколько это большая победа нашей идеологии, если учесть, что в современной стремительной войне побеждает именно тот, кто выстрелит первым!

Военный министр поморщился:

– Вы говорите слишком длинно. Я скажу проще: у араба или югослава, у которого в руках только автомат, нет шансов против наших крылатых ракет и умных бомб с лазерным прицелом. Вернее, против тех, кто эти ракеты запускает!

В кабинет заглянула Мэри, ее лучистые глаза, хирургически удлиненные по последней моде, лучились любовью и преданностью президенту.

– Господин президент, машина подана к главному подъезду.

Она неслышно исчезла, госсекретарь взглянул на часы:

– Ну а я прервусь на ленч. Кстати, вы видели вчерашнее побоище на стадионе в Эль-Рияде?.. На Панарабских играх? Впервые нашим агентам влияния удалось спровоцировать крупную потасовку болельщиков.

Все трое поднялись, направляясь к дверям. Президент даже остановился, с чувством обнял госсекретаря:

– Виль, вы такой подарок мне поднесли к концу разговора! Спасибо. Это же одна из наших побед... крупнейших побед! Нужно все сделать, чтобы они и дальше били друг друга за любимые команды, за поп-звезд, за рок-группы! Чтоб разбились на команды «коки» и «пепси», длинноволосых и бритых, но только бы забыли про их гребаные честь, достоинство, веру, обычаи!

Госсекретарь сдержанно и с достоинством улыбнулся:

– Господин президент, это уже делается по всему миру. Мы как раз и докладываем о самых крупных победах.

– Усилить!.. Бросить туда лучших специалистов!.. Любые финансовые вливания!

– Уже сделано, господин президент. На эту невидимую обывателю войну идет ассигнований больше, чем на всю традиционную армию, военно-морской флот и военно-воздушные силы.

Президент опомнился, с силой потер лоб. Секретарь поклонился, пряча понимающую усмешку. Даже посвященный в эту сверхважную тайну президент забывает, а мир вообще еще не понял, что вступил в стадию новых войн – информационных! А их страна – единственная, которая оценила обстановку правильно и первой начала широкомасштабное наступление, – с каждым днем получает беспрецедентные победы! Президент страшится, что в других странах опомнятся, поймут, и тогда это счастье быстро кончится. Не страшитесь, господин президент! Отвоевывать гораздо труднее... А в такой войне – особенно.

– Отвоевывать труднее, – повторил он вслух. – Потому что там уже наши люди. Даже если они сами об этом и не подозревают.

Втроем покинули кабинет, Мэри почтительно вскочила за своим столом, роняя из рук бумаги, умело зарделась. Ее никто не принуждал к вставанию в присутствии Первых Лиц, но ее личный психолог подсказал, что это будет лестно как президенту, так и его высокопоставленным гостям. И даже если они будут протестовать, то все равно им приятно, она-де не в силах совладать со своим инстинктом почтительности, вскакивает всякий раз, трепеща от счастья, что видит их, Властелинов Мира...

Военный министр сказал президенту напоминая:

– Потасовка болельщиков... гм... хорошо, но нам все же пора бы поддержать крымских татар! Пришло время начинать расчленение Украины. Россия нас либо поддержит... либо останется в стороне. Украина слишком много плевала в ее сторону с нашей подачи... ха-ха!.. так что теперь русские предоставят нам свободу действий.

Агенты безопасности неслышно отступали в тень, незаметно шевелили губами, предупреждая по цепочке остальных, передавали их из рук в руки. Весь огромный комплекс послушно и предупредительно раскрывался перед сильнейшими людьми планеты, вел их к выходу, бдил и охранял, все агенты в нем следили друг за другом, а за ними следили еще другие, незримые, и все об этом знали и помнили.

Президент согласился:

– Я добьюсь выделения добавочных сумм на рост национального сознания различных этнических групп в России. Уже заметны антирусские настроения в Татарстане. Хорошо бы их поддержать. Ну, способов у нас... ха-ха!.. много.

Секретарь сказал осторожно:

– Если Кречет не пошлет туда войска раньше. Или выбросит десант, что тут же явится в местный парламент и скажет что-то вроде «Караул устал!».

Президент вскинул брови:

– Что за фраза? Что-то вроде «Над всей Испанией безоблачное небо»?

– Да, если не смысл, то последствия те же. Власть этого сильного человека распространится и на Татарстан, что нам ни к чему. Я имею в виду его абсолютную власть...

– Да, надо действовать осторожнее. Надо добиться права вмешиваться... ха-ха!.. под лозунгом защиты прав человека, распространять на территории России бомбардировки с воздуха, удары крылатыми ракетами, а потом и высадку сухопутных войск... Уже по-настоящему!

Он стиснул кулаки. Глаза впервые загорелись яростью. Россия – единственный камень преткновения на пути к мировому господству!

Госсекретарь напомнил предостерегающе:

– Давайте сперва закончим с операцией «Двести шесть».

Военный министр смолчал. Операция была засекречена до такой степени, что шла под номером. О ней знал лишь ограниченный круг из первого эшелона власти, и даже президент «не знал» и не должен узнать...

...ибо президент – это улыбающееся лицо страны!

Я ничего не знаю, напомнил себе президент. Я озабочен только своими сексуальными проблемами. Помимо голосов сексменьшинств, огласка его сексуальных пристрастий еще и успокоит страну, отвлечет от серьезных проблем, что уже грозно вырисовываются на горизонте.

Он покосился на военного министра, взгляд невольно скользнул на его широкую массивную задницу. Как-то прожил большую часть жизни, а с этой частью сексуального мира не ознакомился... Вообще-то в гомосексуализме есть нечто оч-ч-чень эротичное...

ГЛАВА 8

Дверь распахнулась. Кречет вошел все такой же стремительный, словно генерал-десантник перед женщинами, широкомордый, почти не погрузневший за время трехлетнего президентства. Не вошел, а словно ворвался, ногой выбив дверь, в квартиру террориста.

– Прошу извинить, – сказал он с порога сильным неприятным голосом, – задержался с ооновцами... Скоро восхотят приставить наблюдателей даже к нашим постелям! Но надеюсь, вы в мое отсутствие не в покер играли...

Он оглядел нас, как тот же десантник, который еще не решил, кто из нас заложники, кто террористы. Сказбуш и Яузov, наши бессменные силовики, сделали попытку вскочить, рефлекс военных, но, не дожидаясь нетерпеливого знака президента, сели. Кречету плевать на церемонии, он и так всех держит в железном кулаке.

– Что у нас на сегодня?

Мирошниченко, глава его администрации, подскочил, заходил то справа, то слева, словно забыл, на какое ухо президент хуже слышит, сказал торопливым голосом:

– Вы хотели начать с военной доктрины...

Мы почтительно следили, как отец народа сел, откинувшись на спинку кресла, по-державному положил руки на подлокотники. Маленькие глаза подозрительно оглядели всех нас из-под массивной брони надбровных дуг. Квадратный подбородок, похожий на передок десантного ботинка, воинственно выдвинулся вперед.

– Верно, – прорычал он, – давно пора.

Яузov грузно повернулся, кресло беззвучно застонало. Мохнатые брови поползли вверх.

– Я что-то не слышал, чтобы мое министерство что-то делало в этом направлении...

Кречет небрежно отмел широкой ладонью:

– Военному министерству еще рано. Все это время мы по большей части метались по тонущему кораблю. Где-то откачивали воду, где-то выбрасывали за борт балласт... От исламского танкера приняли пожарный шланг!.. Теперь, когда наш корабль на плаву, ремонт идет, теперь можно наконец начать формулировать эту чертову военную доктрину. Та, старая, ни к черту!.. То есть пока что сформулируем для себя и других, куда же собираемся плыть по завершении ремонта.

– А мы уже плывем, – подсказал Коган услужливо. – Под вашим мудрым руководством! Мы ведь такие... с дырами в корпусе и днище, но – прем в прекрасное завтра!

– Дыры заделываем, – прошипел Яузov. – Эх, когда же кончится это ваше засилье...

Экраны ноутбуков один за другим гасли. Взамен вспыхивали либо звездочки, либо фейерверки скринсэйверов, а мы все внимательно и почтительно слушали президента.

Кречет приподнял руки и звучно хлопнул ладонями по подлокотникам, словно вбил гвозди с широкими шляпками.

– Наша задача, – прорычал он, – покончить с ложью!.. С той самой, чисто русской. Все лгут себе на пользу, только в России лгут себе во вред. Почти каждый с трибуны распинается о гуманности, доказывает, что преступников надо перевоспитывать, а чикатил – лечить, но когда возвращается к себе домой, то на кухне орет, что всех гадов надо расстреливать, пусть даже за кражу кошелька. А чикатилам так и вовсе рубить головы на площади! Вон наш Виктор Александрович доказывает, что дух ваххабитов и талибов потому так и силен, что у них ни слово с делом не расходится, ни слово со словом. То есть днем говорят то же самое, что говорили утром, и вечером в другой компании повторяют то же самое...

Я такое не говорил, по крайней мере – такими словами, но в целом это было в нужном русле, не стал возражать, наклонил голову. Президент всегда должен ссылаться на свой штаб советников, даже если брякнул нечто только что пришедшее в солдатскую голову.

Коган сказал ехидно:

– Ну, если уж сам Виктор Александрович говорил, то держись Империя! Карфаген должен быть разрушен.

– Совершенно верно, – подтвердил Кречет. – Карфаген надо вдрызг! Правда, каждый под Карфагеном имеет свое... ага... Со всеми этими бандитами, мафией в правительстве, коррупцией и прочей дрянью, в самом деле, никак не доберемся до нашей военной доктрины. Ее поручено было сформулировать, понятно, не военному министру... Павлу Викторовичу только дай двинуть вперед танковую армию!.. а самому мирному человеку на земле... нашему футурологу, Никольскому Виктору Александровичу. Все верно?

Я поднялся, на меня устремились все взгляды. Я уже далеко не мальчик, в шестьдесят лет забыл, как краснеют, но все же эти глаза со всех сторон мешают плавной речи. Да и сразу забываешь придуманное ранее.

– Не саму доктрину, – напомнил я сварливо, – а только обозначить скелетик. Да и то разборный, чтобы косточки можно было туды-сюды. И не столько военную доктрину, это вовсе не по мне, а просто внешнюю доктрину. Словом, вы все правильно сказали, господин президент, но только рак не рыба, он не красный и не ходит задом наперед... Я в самом деле хочу предложить вариант доктрины, которую в принципе могут принять все страны, что для нас очень хорошо и... не вызывающе.

Коломиец прошептал, но тишина стояла такая, что услышали все:

– Вот-вот. Хоть что-то такое, что не вызывающее! Впервые. Наконец-то.

Кречет смотрел неотрывно. Серое некрасивое лицо было неподвижно, крылья расплющенного и трижды сломанного носа не шелохнулись.

– Доктрина, – сказал я, – надо признать, вынужденная. Империя наступает мощно, нагло, по всем фронтам. По всем средствам информации, во всех фильмах и книгах brave штатовские герои изничтожают низколобых русских ублюдков. А время от времени они пробуют такие акции уже и «живую». Мы помним их помощь «хорошим парням», я имею в виду попытку переворота, против «плохих парней» Кречета... их высадку на Байкале... их будущую высадку... не знаю, где она случится, но я уверен, что она будет еще масштабнее!

Коган буркнул сварливо:

– Для такого предвидения не обязательно быть футурологом.

– Согласен, – откликнулся я. Счастлив, что это понимает даже наш Сруль Израилевич. – Потому надо хоть в чем-то сделать... или попытаться сделать некоторое упреждение. Или – встречный удар.

Коломиец спросил неверяще:

– Как это «упреждение», «встречный удар» и – не вызывающее?

– Встречным ударом не обязательно убивать, – любезно объяснил тяжеловес Краснохареv. – Можно остановить, притормозить... Простите, Виктор Александрович, продолжайте. Мы все очень внимательно слушаем. А если культура или финансы вмешаются, я сам им сверну хилые шеи.

– Доктрина, – повторил я, – пригодна... приемлема для любой страны. Как для цивилизованной, так и нецивилизованной. Ну, всяк свою страну относит к цивилизованным... за исключением русской интеллигенции, правда. Для нее цивилизованны все, кроме России. Однако доктрина не понравится, ессно, одной державе... Правда, ей в этом признать будет трудно-вато. На словах она вынуждена будет даже поддержать эту... доктрину.

Краем глаза я видел, как Мирошниченко, глава администрации и пресс-секретарь одновременно, исчезал и появлялся как бесплотный дух, даже проходил как будто сквозь стены и сейчас вот поднялся по правую руку Кречета, словно прямо из пола вырос. Из папки выхватил и положил листок бумаги перед Кречетом. Но не прямо перед всемогущим президентом,

а чуть сбоку. Захочет президент – взглянет, не захочет – не взглянет. Дело, так сказать, государственной полуважности.

Кречет невольно быстро пробежал глазами, нахмурился:

– Простите, Виктор Александрович... Уже третий раз на этой неделе... Насколько это серьезно?

Я умолк, ждал. Кречет щелчком отправил листок через стол к Сказбушу. Тот взглянул, сказал осторожно:

– Мне тоже поступают сообщения о скоплении массы китайцев на той стороне границы. Но про войска пока ни слова.

Кречет сказал раздраженно:

– Но какова ситуация в реальности? Могут ли они перейти границу?

Все молчали. Сказбуш, по обыкновению, тщательно подбирает слова, Яузov набылчлся: армия в развале, но пока есть атомные бомбы – враг не страшен. Министры уткнулись в бумажки и экраны ноутбуков.

– Что скажете, Виктор Александрович? – поинтересовался Кречет. – Простите, что оборвал на самом интересном месте.

– На самом важном, – поправил я. – Насчет китайской угрозы – полнейший бред. Даже обращать внимание не стоит. Нас слишком долго пугали китайской угрозой. Но эта угроза – на песке. Во-первых, китайская армия всегда в десятки раз меньше нашей по численности. У них никогда не было всеобщей воинской, там одного солдата берут с десяти деревень. Это для крестьян праздник...

Кречет прервал:

– Дело не в армии. США нас предупреждают настойчиво, что китайская армия собирается перейти границу и отхватить Дальний Восток, но меня страшит другое... А что, если перейдет не армия, а хлынут массы китайцев? Просто-напросто перейдут границу так это миллионов сорок-пятьдесят мирного гражданского населения! Женщины, дети... Стрелять в них не станешь, а выдворить – никаких сил не хватит.

В кабинете наступила нехорошая тишина. Я сказал как можно беспечнее:

– Пять тысяч лет Китай придерживался единой воинской доктрины: ни одного китайского солдата за Китайской стеной! Сменялись веры, режимы, к власти приходили императоры, коммунисты, чингизиды, но Китай оставался в своих границах. Я не думаю, что без всякой видимой причины все так поменяется...

Краснохарев грузно повернулся в кресле, оно жалобно заскрипело, даже взвыло под непомерным весом.

– Причина есть, – сказал он размеренно. – Когда я учил в школе географию... или не географию... но что-то, помню, учил, было такое... то там было двести миллионов китайцев. В Китае, я имею в виду. Нас – сто, индийцев – сто пятьдесят, у них была еще не Индия, а доминион... если кто знает, что это такое... а китайцев – двести... Сейчас их уже миллиард двести!

Нехорошая тишина сгустилась. Озноб пробрался и под мою толстую кожу. Я невольно повел плечами, похолодало, масса народа на границе всегда пугает, ответил как можно убедительнее:

– У них другой менталитет. Это мы, имея огромные незаселенные земли в Поволжье, опустевшую после войн Украину, шли Ермаком на завоевание Сибири. А потом, даже не посмотрев, что же за исполинский кус отхватили, двигались на завоевание... пусть открытие, если кому так больше нравится, Дальнего Востока!.. Китайцы, ни для кого не секрет, издавна бывали на Дальнем Востоке, это же всего лишь на том берегу реки! Но они так и не назвали его своим. Мое мнение, что китайцы никуда не двинутся. Ни армия, ни народные массы. А что голодные... Так они всегда жили умеренно.

– А прокормиться? – сказал Краснохарев сварливо. – Им же там тесно?

– Не настолько, – возразил я, – чтобы менять доктрину, которой пять тысяч лет. Для этого надо быть серьезно прижатými к стенке! А у них пока что нормально. Прирост населения у них уже под контролем. Так что скопление народа на том берегу может быть вызвано каким-то праздником, религиозным событием... Проверьте на этот счет.

Кречет, нахмурившись, жестом велел вернуть ему распечатку. Долго всматривался, рот сжался в узкую неприятную линию.

– Все равно это не нравится, – заявил он. – Эти сведения очень настойчиво идут из госдепартамента США, из ЦРУ, из их министерства иностранных дел... Либо они знают что-то такое, чего не знаем мы, либо затевается какая-то грандиозная операция...

Коломиец сказал несчастным голосом:

– Мне не нравится, что эти сведения тут же становятся достоянием прессы. Народ уже волнуется! Китайской угрозы начали бояться еще при царе...

Яузов рыкнул:

– Помню-помню! Это же вы как-то ни к селу ни к городу рассказывали про золотую рыбку! Не помните? Поймал хохол золотую рыбку, та ему насчет трех желаний, а он ей первое: хочу, чтобы Китай напал на Финляндию! Будет сделано, говорит золотая рыбка. Второе? Хочу, говорит хохол, чтобы Китай напал на Финляндию. Будет сделано, отвечает золотая рыбка. Ну а третье, последнее? Хохол подумал, почесал лоб и отвечает: хочу, чтобы Китай напал на Финляндию! Рыбка удивилась: да что тебе сделала эта маленькая Финляндия? Да Финляндия мне на фиг, отвечает хохол мечтательно, но как здорово, когда китайцы трижды по москалям туды-сюды, туды-сюды...

Мы поржали малость, хоть и как-то грустно, но Сказбуш сказал очень серьезно:

– Насчет китайской угрозы вы зря так легкомысленно. Конечно, китайцы не попрут, но я о другом... О чем это я? Ах да, «пятая колонна» США давно пытается перевести стрелку...

Коломиец аристократично поморщился:

– Что у вас за воровской жаргон...

– Жаргон? – удивился Сказбуш. – Так говорят? А я думал, это я такой умный. Так вот, как вор бежит с украденным и кричит: «Держи вора!» – так и США давно стараются перевести стрелку на Китай. Мол, это не мы собираемся захватить Россию, а Китай. В ход идут все эти приемчики насчет роста населения, голода и всего прочего, что должно подействовать на придурков. А они в самом деле срабатывают! Придурков у нас никто вроде бы и не сеет, но каждый год такой урожай... Если бы продавать на экспорт, стали бы самой богатой страной в мире. Сколько статей в нашей прессе о китайской угрозе, уже детективы выходят, скоро фильмы пойдут косяком... Что самое гадкое: не все из этих ребят – шпионы! Больше половины – свои доморощенные придурки.

Марина принесла кофе, застала правительство с неуверенными усмешками на лицах, но атмосфера была подпорчена.

Я все собирался начать о военной доктрине, но все не мог расцепить смерзшихся зубов. Все-таки страшноватая она, мы же все дети своего века и тоже любим побаловаться в сауне чужими бабами. Потому, призывая убивать американцев, как бы убиваем и частицу себя. И хоть та частица гаденькая, подленькая, животненькая, но с ней так приятно! А жить по чести и совести – это как голым на холодном ветру...

Кречет напомнил:

– Виктор Александрович, мы вас оборвали на военной доктрине...

Я вздохнул, сказал обреченно:

– На доктрине внешней политики. Вкратце это может звучать так: «Любая страна, претендующая на мировое господство, должна быть уничтожена».

– Ого, – вырвалось у Коломийца.

Я бросил на него косой взгляд, сразу начал заводиться:

– Понятно, что многие брюхоногие предложат смягчить формулировку. К примеру, заменить слово «уничтожена» на «остановлена» или аналогичные, расплывчатые. Чтобы можно было понять и как «уничтожить», и как «направить письмо с протестом». А слово «страна» предложат заменить на «режим». Но даже та страна, которая не примет эту точку зрения, все же будет сочувствовать... может быть, даже помогать. При случае. Разве кто хочет, чтобы над ними господствовали?

Все молчали, переваривали услышанное. Коломиец вздохнул, бросил на меня укоризненный взгляд. Даже отодвинулся.

Забайкалов, министр иностранных дел, сидел неподвижный, грузный, похожий на большого филина. Совиные глазки, совсем заплывшие, почти не открывались, но сейчас он посмотрел на меня сквозь узкие щелочки. Голос пророкотал низкий, замедленный, привыкший каждое слово прогонять сквозь сотни фильтров, а затем уж выпускать из пасти: дипломаты лучше других знают, что слово не воробей: вылетит – таких поймашь!

– Виктор Александрович... Зная вас, я рискну предположить, что вы... уж простите, предложите принять самый ястребчий вариант вашей доктрины.

Мирошниченко выдвинулся из-за спины Кречета, вытащил из папки и положил перед президентом листок. Кречет отодвинулся, дает знать растущая дальность, прочел вслух:

– Распечатка последних новостей. Только что президент Империи заявил, что войска его страны готовы к активным действиям в любом месте земного шара. И что если в России будут ущемляться права или свободы граждан... видимо, он берет под защиту и наших граждан, то войска НАТО проведут в России операцию, подобную косовской.

Яузов буркнул:

– А НАТО – это уже штатовские войска?

– Они даже не подбирают обтекаемых формулировок, – сказал я с горечью. – То есть не лгут. Да, войска НАТО – это их войска. Они этого не скрывают.

Яузов сказал кровожадно:

– Единственное, что их останавливает, – ядерное оружие. А также химическое и бактериологическое... его у нас практически нет, но не мешало бы заняться. А еще я считаю, что нужно поставить ядерные технологии странам Востока.

За столом потихоньку нарастал шум. Поставить ядерные технологии Востоку – это «Карфаген должен быть разрушен» нашего военного министра. У каждого из членов правительства есть свой Карфаген, который надо разрушить, разнести вдребезг, но не каждый говорит об этом при каждом удобном и неудобном случае.

Легкая улыбка пробежала по тонким губам Сказбуша.

– Надо ли? – спросил он. – По-моему, совершенно необязательно. Гораздо лучше в рамках программы внедрения экологически чистых технологий... на этом сейчас весь мир помешан!.. так вот, в этих рамках начать развивать у них ядерную энергетику. Помощь, так сказать. Ну, инженеров их обучить, новые Асуанские плотины поставить, реакторов напродавать – у нас уже склады ломаются. А уж свежее обученные инженеры сами разберутся, что им с их знаниями и умениями делать. В смысле, с реакторами да новыми технологиями.

Коган поинтересовался ядовито:

– А с носителями как?

– Все просто, – ответил Сказбуш с такой же тонкой улыбкой. – Для этих целей придумано международное космическое сотрудничество. Мы в состоянии в любой стране, хоть в Шри-Ланке, наладить массовое производство транспортных кораблей класса «Протон». Ну как?

Коган покачал головой. В глазах было недоверие.

– Не верю, – заявил он. – Существует целая куча международных документов, ограничивающих подобную деятельность. Разве не так?

Уже все смотрели на Сказбуша. Он развел руками:
– Нет таких трудностей... Наладили же мы в Израиле такое производство, если вы слышали о таком государстве?

ГЛАВА 9

Кречет поморщился, постучал кончиками пальцев по столу. Звук был такой, словно барабанил костяшками домино.

– Тихо, тихо!.. Доктрина, что и говорить, крутейшая. Хоть и правильная, тоже бесспорно. Нам могут сказать только: вам ли о таком заикаться? Ведь на самом деле все гораздо хуже, чем видит даже все преувеличивающая пресса. На самом деле положение в стране вовсе аховое... Кто мы – партизанский отряд? Или еще хуже – отчаявшиеся одиночки-самоубийцы в захваченной стране? Здесь Виктор Александрович уже напоминал, что наступление не начинается с пуска крылатых ракет и танковых армий, а им заканчивается. Наступление идет с идеологической обработки. Судя по результатам, оно прошло успешнее, чем, наверное, в Пентагоне ожидали. Никого в России, как мы уже говорили, не волнует и не возмущает, что русских бьют в фильмах и книгах, расстреливают в компьютерных играх. То есть мы с этим уже молча соглашаемся. Мы соглашаемся, что Рэмбо побивает русский элитный спецназ пачками, а вот русский спецназовец такое проделать не может – как же, всего лишь жалкий русский! – вон даже Виктор Александрович играет в игры, где расстреливает русских и высаживает американские десанты на Новой Земле и в Сибири... Это и есть проигранная нами война. Россия уже захвачена. Почти что покорена... Даже если еще и не признается в этом себе и близким. А те, кто кричат об оккупации... это отдельные очаги сопротивления, быстро тающие партизанские отряды! Чаше даже не отряды, а так, одиночки. Уже по всей стране вывески «Магазин» сменили на «Market» или «Supermarket»... И вот мы, тающее сопротивление, решаемся поставить вне закона Штаты, эту Империю Зла, которая уже практически завершила захват планеты?

Взгляды впились в меня с такой интенсивностью, что я ощутил жжение во внутренностях, несмотря на всю толстокожесть.

– Да, – ответил я резко, – решаемся. Надо выдвинуть такой же по мощи контраргумент! А еще лучше – помощнее. Да, нам хуже всех в Европе. Но субдоминантом никто стать не хочет. Даже самая близкая по духу Англия все же хотела бы сохранять от Империи дистанцию. Англичане гордятся Штатами, как интеллигентный родитель гордится своим огромным сыном, что неожиданно вырос здоровяком и лупит не только чужих детей, но и взрослых. Но до полного поглощения Англии Империей остался крохотный шажок, и в Англии все это понимают... А уж про гордую Францию и говорить нечего! К тому же не забывайте про огромный мусульманский мир. Теперь это наш союзник, несмотря на всю сложность отношений России с исламом. Вернее, с его экстремистскими течениями.

Коломиец сказал осторожно:

– Но не приведет ли это к... э-э... некоторым нарушениям международных норм? Ведь если мы согласимся, что наше положение настолько отчаянное, согласимся с тем, что мы – партизаны в собственной стране, то... просчитываете, какой может последовать вывод? Не к нему ли подталкивает Виктор Александрович? Партизаны не соблюдают конвенций... не помню, Женевских или Гаагских, когда стреляешь по противнику только в крайнем случае... Партизаны не пробуют сперва все мирные методы! А то вон Виктор Александрович даже цитату из Льва Николаича приволил. Тот якобы призывал не брать в плен французов, а убивать на месте, подумать страшно... Надо будет почитать, я как-то не верю... вы уж простите, что великий гений такое сказать изволил... Да не в пьяной драке с гусарами, а в бессмертном шедевре – «Войне и мире»!

Яузов сказал скептически:

– Предлагаете стрелять только по тем, кто носит по-гоны? Тогда уж давайте примем и другие подобные предложения. К примеру, стрелять только в те места, которые надежно защищены бронезилетами! По американским танкам не стрелять противотанковыми, а только – из

пистолета. Можно еще из револьвера, но так, чтобы не повредить гусеницы. В лобовую броню, например. Они по нам, как по сербам, то есть как хотят, а мы – из гуманных целей! – только в те места, куда нам укажут. А чтоб нам было не обидно, что указывают американцы, то пусть велят через какие-нибудь международные конвенции. А то, что они все американские, мы сделаем вид, что не знаем, верно? Дабы сохранить лицо.

Забайкалов буркнул недовольно:

– Какое лицо? О чем вы говорите?.. Даже задница наша голая в готовности...

Яузов вопросительно посмотрел в мою сторону. Я вздохнул, сказал терпеливо, как и надо разговаривать с меднолобыми:

– Я имею полное моральное право убить сценариста фильма, в котором американцы высаживаются в России и наводят свои порядки. Я не говорю про юридические права, которые сегодня одни, завтра – другие! Юридические пишутся людьми, а нравственные – Богом. Такое грубейшее оскорбление национального достоинства можно смыть только кровью! Кстати, так и надо делать. Я имею право взорвать компьютерную фирму, которая выпустила игру про тупых русских, которых почем зря мочат американцы. Я имею право... и хочу перебить всех ее сотрудников, ибо они грязно и подло меня оскорбили, а такое оскорбление, повторяю, смывается только кровью! Я имею полное право убить их жен, потому что это они кормили и гладили рубашки своим мужьям, когда те тиражировали по всему свету компьютерную игру, в которой американцы расстреливают русских!.. Я имею право убивать их детей, ибо тогда этот компьютерщик... сценарист, актер!.. будут заняты их похоронами, а не наступлением на Россию, на прочие страны. Повторяю самое главное: **МЫ ИХ НЕ ТРОГАЛИ!** Ни в одной книге, ни в одном фильме мы не высаживаемся в Америке, не наводим в США свои порядки. Это они начали. Они нас грязно и подло оскорбляют, расстреливая в книгах, фильмах, компьютерных играх! И – распространяя это по всему миру. Теперь пора им расплачиваться. Жизнями, не штрафами!

Коган сказал, хмурясь:

– Ну тогда... может быть, ту киношную или компьютерную фирму и рвануть к черту? Послать отряд наших командос. Пусть заложат бомбу, разнесут здание. Предварительно, конечно, предупредив, чтобы люди успели эвакуироваться.

Сказбуш сказал саркастически:

– Да? Нет уж, Сруль Израилевич! Как правильно определил Виктор Александрович, при нынешней свободе передвижения все жители страны отвечают за действия ее правительства или ее армии. Исключение стоит сделать только для России...

Коган оскорбленно вскинулся:

– Почему это? Разве это не мы, евреи, избранный народ?

– Избранный, избранный, – успокоил со зловещей улыбочкой Сказбуш. – Дайте только выявить и переписать всех избранных...

– Проскрипционные?

– На фиг проски... прокси... всех перепишем! Даже ставших Ивановыми.

А Кречет ответил серьезно:

– При нищенском положении России человеку не хватает денег даже на проезд в городском транспорте. Куда уж думать о выезде в другую страну!.. Я согласен, что любой американец отвечает за политику своего государства.

До этого на меня только посматривали искоса, а теперь уставились, как на тюленя с мячом на носу. Ну хоть не как на Савонаролу с топором в руках.

– Еще как отвечает, – ответил я, потому что Кречет умолк и тоже ждал. – В любой диктаторской не отвечает, а в свободных и демократических странах – отвечает! В этом мы признаем Штаты самой свободной и демократической страной, верно? Выбор правительства и выбор их курса признаем осознанным и никем не навязанным. У них то самое правительство, что

выбрал сам народ. Следовательно, народ за политику своей страны несет полную ответственность. Гораздо более полную, чем в Югославии, где народ, по определению Штатов, стонет под игом диктатора Милошевича. Но ведь бомбили, не считаясь с жертвами среди этого мирного населения! Которое не отвечает за тоталитарную политику президента! Тем более мы вправе... с моральной стороны, которая впоследствии обретет и юридические формы, предпринимать любые акции и против так называемых мирных граждан.

Я чувствовал, как в просторном кабинете словно бы сдвинулись стены. Воздух стал тяжелым, запахло бензином. На меня посматривали осторожно, искоса. Никто не решался проронить ни слова, я сказал достаточно страшные для сегодняшнего человечка слова.

Коломиец завозился нервно, голос его прозвучал как выстрел:

– И что вы конкретно предлагаете?

– Конкретными делами занимаемся в своих кабинетах, – ответил я уклончиво. Сам ощутил, что подленько уклоняюсь от прямого ответа, но ничего сделать не мог, я тоже наполовину человек сегодняшнего дня. – Туда несем в клюве решения... полученные здесь, а там... там эти решения обретают плоть. Ну ладно, если вам так уж хочется, чтобы именно я произнес эти слова, то вот вам: штатовцев надо убивать. Везде. Как военных, так и тех, кто работает на военных. То есть всех, кто живет в Штатах и платит налоги.

В кабинете тишина была такая, что стукни по ней молотом – посыплется осколки. Первым завозился Коломиец, министр культуры, проговорил нервным интеллигентным голосом:

– Но нельзя же убивать!.. В смысле, вот так просто. Убивать – и все.

– Почему? – удивился я.

Он отшатнулся, шокированный:

– Почему?.. У вас такие слова, что просто... Я даже не знаю! Просто нельзя! Нельзя – и все тут.

– Совсем нельзя? – переспросил я.

Коломиец задергался, сказал еще раздражительнее:

– Вы прекрасно понимаете, что имею в виду. Нельзя вот так... просто. Только в пещерном веке так! А потом уже все оритуалилось. Даже пьяные хулиганы, что пристают к вам на улице, не бьют сразу, а сперва вроде бы в чем-то обвиняют! Тут неважно в чем. Но главное – соблюдаются какие-то неписанные правила! Нравственные, если хотите.

Коган хмыкнул, проклятый еврей не верит в высокую нравственность русских хулиганов, Язуов сердито засопел, сионизм не спит, я возразил:

– Сейчас по всему миру катится... с юсовской подачи, ессно, так называемое освобождение ото лжи. Ложью в Империи... а затем уже и у нас, называют все, что выращено в человеке культурой. В противовес подавленным инстинктам. В том числе и такие понятия, как честь, доблесть, верность... даже супружеская. Это на тот случай, если кто думает, что я говорю и думаю только о верности партии. Так что не будем и мы особенно пыхтеть над обоснованиями. Дано: Империя лезет во все щели. Уже почти подмяла под свою толстую задницу всю планету. Остановить ее не удавалось ни протестами, ни булавочными уколами. Сейчас положение уже отчаянное! На весах: быть России или не быть. Для ее спасения... а также для спасения всего мира – мы, русские, иначе не беремся! – хороши все средства. В том числе и прямые устранения... черт бы побрал эти эвфемизмы! Да, прямые убийства жителей Империи! Этой живой силы противника, как говорят военные.

Коломиец все еще упрямо качал головой. Сказбуш кашлянул, привлекая внимание, сказал нейтральным голосом, но предостерегающе:

– Виктор Александрович говорит для нас. Для внутреннего потребления, так сказать. Его идеи нельзя в массы... в таком вот виде. Слишком радикальны для простого населения... А вот мы можем подать в нужной обертке. Даже запустить в действие, а самим дистанцироваться от них, если хотите.

Коломиец фыркнул:

– Будто никто не догадается!

– Это другое дело, – сказал Сказбуш спокойно. – Все секретные службы убивают своих политических противников... как у себя, так и в других странах, но ни одна страна не берет на себя ответственность! Вот и мы не будем брать. Тем более что такую массовую работу нам самим не охватить. Придется перенацеливать разные террористические группы за рубежом. Если такое решение, естественно, будет принято.

Все оглянулись на президента. Кречет сидел во главе стола, массивный, как утес на Волге, неподвижный. Побитое оспой лицо было каменным, без выражения, только глаза нехорошо блестели.

ГЛАВА 10

Из душевой Дмитрий вышел с пупырчатой, как у жабы, кожей. Мышцы ныли от недавних перегрузок, а ноги тащились где-то далеко сзади.

Дверца шкафчика с готовностью распахнулась, гордо показывая как рабочие костюмы десантника, так и парадный со знаками отличия майора – после операции «Байкал» он прыгнул через звание.

– Не хвастай, – сказал шкафу Дмитрий. – Нехо–рошо...

Руки жадно сорвали с плечиков обычную рубашку-джинсовку и такие же неприметные брюки.

Последние две недели его усиленно готовили к операциям в странах Востока. Еще не знал, где и что предстоит выполнять, но от него требовали углубленного знания языка, местных обычаев, последних толкований Корана, даже местных блюд. Меньше всего уделялось рукопашной или владению оружием. Он не знал, гордиться или печалиться: то ли считали достаточно крутым, то ли действовать предстояло в мирной обстановке.

Это он сам сегодня поизнурял себя в схватке с тремя противниками, а потом еще и пробежал десять километров с полным набором десантника, обвешанный, как грузовой осел. В памяти слишком свежо, что он ушел на последнее задание в составе элитнейшей группы, а вернулся один... И хотя задание выполнено, но ребята сложили головы там, в проклятой Империи Зла...

Когда вышел, заметил у дверей штаба двух крепких парней, широкомордых, с небольшими животиками и толстыми задницами. Настроение испортилось сразу. Второй месяц в их учебный центр присылают, кто бы подумал, «позвоночников»! Раньше только в военные академии их пихали, чертовых генеральских сынков, а теперь в Генштабе сообразили, что еще престижнее отдать сынка в такую вот элитную спецчасть. Малость потрется, а потом всю жизнь можно козырять, что служил и действовал в таких местах, о которых раньше чем через сто лет и упоминать нельзя, вот так-то!

Зато учеба в таком центре открывает двери к званиям и должностям надежнее, чем красный диплом Военной академии. Руководство Центра готово застрелиться: эти генеральские сынки даже на пушечное мясо не годятся, все испортят и перегадят... К счастью, кто-то из умных голов посоветовал сформировать из них отделение для парадов и гонять по плацу, гонять до бесконечности, шлифуя выправку.

У него теперь был свой джип, старый и неказистый, но с усиленным мотором, встроенные чипы следят за тормозами и подачей топлива... так что около часа несся по прямому шоссе, превышая все ограничения скорости, наконец эстакада, развязка, оттуда еще минут пятнадцать уже не такой гонки, знакомый переулок, вывески сменили, но стена облупилась еще больше...

В гастрономе купил молока, полголовки сыра, хлеба. Филиппа три дня как выписали из госпиталя, но этот псих недобитый все еще стесняется выходить на улицу. Придурак. Ему пластическую операцию сделали, еще краше стал! А если бы оставили таким, какой есть, – обгорелый как головешка, то бабы за ним бы косяком ходили! Это же Россия, чудак. Героев все еще любят, мальчишки ими гордятся. Шрамы не портят мужчине, а все еще украшают!

Лифт поднимался медленно, скрипел, раскачивался, как грязный галстук на шее бомжа. Сквозь сетку Дмитрий увидел новенькую дверь, обитую чуть ли не кожей, удивился, приготовился к неожиданностям.

Дверь открыл сам Филипп. Сильно исхудавший, совсем не тот брызжущий здоровьем здоровяк с румянцем во всю щеку, растущим животиком и складками на боках. Глаза страдальческие.

– Ты один? – спросил Дмитрий.

– Ты чего? – удивился Филипп.

– Да так... Дверь у тебя обновилась. Ага, еще и коврик кто-то постелил...

Филипп в смущении развел широкими ладонями:

– Да тут одна заходила... Да не стой, двигай в комнату. Никого нет.

Дверца холодильника на кухне расцвечена налепленными ягодками. Так делает либо ребенок, либо очень молодая и жизнерадостная женщина.

Дмитрий сделал вид, что никаких изменений не заметил:

– Извини, что не шампанское! Тебе нельзя, а я в одиночку не пью.

– Нет в тебе русской души, – упрекнул Филипп.

– Наверное... Говорят, мой дед – хохол, а бабушка – татарка. Впрочем, выходит – русский!

В комнате со стены на них весело уставился Славка: беззаботный, рот до ушей, рубашка расстегнута до пояса. Переснято и увеличено с любительской фотографии. Можно бы добавить компьютерных спецэффектов, где-то затемнить, что-то подправить, но Филипп оставил, как было снято. А в квартире все та же беднота, развалившийся диван, хреновая мебель, старые паркетины, что скрипят и выпрыгивают за тобой следом. Впрочем, он уже знает, как Филипп и Слава истолковали понятие «новые русские, самые новые» и как истратили оставленные им деньги.

– Тащи стаканы, – сказал Дмитрий. – Шестипроцентное молоко – это круто!.. Я тоже с тобой выпью.

Филипп замедленными движениями достал из шкафчика стаканы. Дмитрий наблюдал за другом с приклеенной улыбкой. Здоровяк все-таки Филипп. Другие с такими ожогами мрут как мухи. А он выжил, перенес сложнейшие пересадки кожи, тяжелые еще тем, что кое-где выгорело и само мясо. Приходилось что-то наращивать, сшивать, передвигать, теперь заново учится двигать новыми мышцами и укороченными сухожилиями.

На столе появилось три стакана.

– Наливай, – сказал Филипп надтреснутым голосом. – И ему тоже.

Дмитрий молча срезал кончик пакета. Молоко белой струей хлынуло в стакан.

– Перестань себя истязать, – сказал он тихо. – Зато мы победили!.. Мы заставили их убраться с Байкала. Да как заставили!.. Бежали, бросив все снаряжение, технику. Филипп, как ни крути, но основная способность к выживанию нации... как и отдельного человека, определяется готовностью к жертвам. То есть, когда идет война, побеждает та сторона, где готовы больше принести в жертву своего благополучия... жизни своих сограждан, близких и прочих неудобств. А сдается та, где жители первыми говорят: да хватит нам голодать, да пусть они нас захватывают, не поубивают же! Зато наконец перестанем лить кровь. А что заберут Курилы... Судеты, Полабье, Сибирь, Вятку, имена, национальность... ну и хрен с ними! Мне жизнь и мой огороδικ дороже... Понял, Филипп? Спасая свои шкуры, они губят души. А у нас ни черта нет, кроме наших душ! И вообще у человека ничего больше нет.

– А кто спорит, – пробормотал Филипп.

– Ты.

– Я? Каким образом?

– Сдаешься.

– Еще нет, – ответил Филипп тихо. – Еще нет.

Глаза его уперлись в крышку стола. К молоку не притронулся.

Дмитрий сказал настойчиво:

– Победитель, как известно, определяется не по количеству потерь, победа может быть и пирровой. Победа за тем, за кем поле сражения, увы Бородину... Но обескровленный победитель все же добивается своего! Иудеи пару тысяч лет... не помню точно, не важно, добивались своего государства. Да, шли на жертвы. Не ассимилировались с коренным населением, как ни

принуждали их короли, цари, императоры, султаны, президенты. Теперь у них есть Израиль! Маленький, но свой. Курды добиваются своего Курдистана с такой же настойчивостью. Да, они народ проще и бесхитростнее. Но у них, как и у иудеев, есть жажда своего государства. Добиваются... как могут! Но добиваются. Мы в своей России знаем, что не можем добиваться ни хитростью иудеев, ни автоматами курдов, потому чисто по-русски обгаживаем тех и других. У меня есть уши – слышу, есть глаза – читаю, смотрю по телевизору. Одни тупые, другие – хитрые... Так ведь? Да ты пей молоко, я ж пью!

– Да пью я, – нехотя ответил Филипп. – Скоро вовсе на кефир перейду.

– Я вот даже в своем... своей воинской части слышу старинное, что вот если нагрянет враг, то мы все плечом к плечу вместе... Увы, это только красивая отмазка! Как та, что русские долго запрягают, зато потом о-го-го!.. Ни черта не будет. Как сейчас, когда на улице пара сопляков избивает женщину, здоровенные мужики трусливо проходят стороной и возмущаются про себя: ну где же милиция? И почему это никто не вступится? Вон же сколько здоровых мужчин!.. Ну почему я первый? Пусть кто-нибудь начнет, тогда и я... может быть. Только чтоб на мне не порвали рубашку. И не наступили на туфли, я их только что почистил... Филипп, что с тобой? Ты что, вроде бы стыдишься, что пошел на жертву? Да, с нами больше нет Славки. Да, у меня, кроме Славки, погибли ребята, которым я доверял жизнь... Но мы – победили!.. Другое тревожит, Филипп...

Филипп отпил треть, поморщился, опустил стакан на стол с такой осторожностью, словно это была граната.

– Что?

– Это мы сражались, – сказал Дмитрий. – Мы дрались, рвали жилы, жертвовали... Но много ли нас? Раньше было много, знаю. Но с каждым днем нас все меньше. Меня в пот вгоняет мысль, что на нас нападет, скажем, Турция. Или Шри-Ланка. Если при нападении заявит, что всех русских надо перебить на месте, то мы еще... может быть!.. окажем какое-то слабенькое сопротивление. Но если Турция заявит, что она ввела войска как друг, что настроит у нас магазинов и завалит их дубленками и куртками из их хреновой, но дешевой турецкой кожи, что всем оставит огороды и приусадебное хозяйство, а изменит разве что такие пустячки, как осточертевшее православие на ислам, русские имена на турецкие – один раз уже поменяли, почему не снова? – еще какие-то мелочи, но все останутся живы... ведь жизнь – самое ценное?.. Лучше быть живым псом, чем мертвым львом? Лучше жить на коленях, чем умереть стоя?.. И что же? Если честно: окажут ли русские сопротивление?

Филипп снова отпил, на этот раз медленно, крохотными глотками. Дмитрий следил за неестественно розовым лицом друга. Внезапно понял, что тому просто не хочется отвечать. Но он молчал, терпеливо ждал.

– Не знаю, – ответил Филипп наконец. – И никто не ответит.

– Почему?

– Это раньше народ был един... Все было понятно. А сейчас... Ну, предположим, Турция пришла и заявила, что ликвидирует Россию вслед за Курдистаном. Но населения России, мол, это ничем не заденет! Все могут все так же жить, работать, смотреть телевизор, ходить по бабам. Только в паспорте будет записано, что отныне – турки. И флаг поменяют, как и символику. Как ты сказал, первый раз, что ли? Ну а дошкольники должны будут выучить турецкий язык. А уже правнуки примут ислам и прочие законы. Конечно, отдельные группки вступят в драку. Но ты спрашиваешь, начнется ли всеобщее сопротивление? Или через пару поколений от русских останется то же, что и от половцев? Дима, спроси у меня чего-нибудь полегче. Но ты знаешь, и я знаю, что мы двое – встанем и будем драться. Неважно, если окажемся только мы двое.

Они пили молоко, словно это был чистый спирт: морщась, хмелея. В головах стучали злые мысли.

– А наступает не какая-нибудь Шри-Ланка, – вздохнул Дмитрий. – Прет, как танк, Империя. У нее в информационных бомбах заряды покруче атомных... Сдается мне, что на следующей неделе я уже не смогу тебя проведать.

Филипп насторожился:

– Снова исчезнешь?.. В прошлый раз мы уж черт-те что думали!

– Похоже.

Филипп повесил голову. Неестественно розовое лицо было неподвижно, лицевые мышцы слушались еще плохо, но Дмитрий и по неподвижному лицу уловил, насколько другу сейчас гадко.

– Пока я лежал в госпиталях, – проговорил Филипп глухо, – много думалось... Сам знаешь, когда заняться нечем, только лежи и пялься в потолок, даже газету не поднять, то что еще, как не думать? Мы ж думаем всегда в –последнюю очередь, когда уж совсем нечем больше заняться...

– Ну, – возразил Дмитрий, – не скажи! Вот в нашей палате такие медсестры были... гм... Когда наклоняется над тобой, термометр чтобы, а ее сиськи вот-вот тебе на морду, то, скажу тебе...

– Да что медсестры, – тоскливо возразил Филипп.

– Не скажи, – повторил Дмитрий. – Те, кому с постели можно было только через месяц, уже через три дня на костылях ковыляли! Чтоб, значит, в ночное дежурство к ним в дежурку... Я уж потом подумал, что главврач, зараза, нарочно таких понабрал... Чтоб мы долго не валялись в постелях на дармовых харчах.

– Да, медсестры были, – отмахнулся Филипп. – Но не с моей же рожей... Это ж не нога перебитая! Так что лежал и думал. В прошлой жизни когда думать? Да и кто думает?.. Все только принимаем решения! От грузчика до президента. А эти решения уже кем-то заготовлены, лежат внутри нас... Думал и о том, что мы сделали. Ну, это чисто по-русски: сперва сделать, потом подумать.

– И над чем же ты ломал голову? – поинтересовался Дмитрий. – Медсестры у вас там были... я присмотрел парочку. Сам бы ногу переломал, только бы полежать там.

Филипп ответил без улыбки:

– Думал о самой сути террора.

– А что о нем думать, – сказал Дмитрий легко, друг и без того невеселый, как сыч в пустом сарае, – террор надо делать!.. Наше дело правое, гадов надо бить.

– А не беспокоит, что мы со своим терроризмом вроде бы остались одни? Ну, мы и страны Востока. Да и те не все, не все... А мир сейчас помешан на компромиссах!

– Филипп... Вчера я смотрел по ящику интервью с одним из правительства. Не запомнил, кто-то из новых или мелких, но слова его, как яд дяди Гамлета, запали в мои невинные розовые уши. Он говорил, как определять правильно ценность того или другого учения. Или способа жизни, не помню. Надо, мол, брать не худшее в учении – везде есть дурь, – а самое лучшее. Так что берем, сказал он, самое лучшее в гомосексуализме, садизме, киллерстве, терроризме, прагматизме и прочих американских сторонах жизни. И рассматриваем внимательно. Цели, идеи, мечты, способы реализации...

Филипп медленно кивал, потом кивки становились все замедленнее, а в глазах появилось недоумение. Для него было ясно, что у противника надо брать как раз худшую сторону и бить по ней, выставляя напоказ, высмеивая, а себя подогревая видом гада, чтобы уж врезать так врезать!

– Компромисс, – сказал Дмитрий, – звучит красиво. На самом деле это эвфемизм...

– Что-что?

– Запиши, – посоветовал Дмитрий. – Тоже красиво звучит, да? За такими словами хорошо прятать, как за высоким забором, кучи смердящего дерьма... Компромисс – это веж-

ливое название трусости. А не признающие компромиссов люди, увы, чаще всего – террористы. Один из наших ребят, Откин, хороший парень, хоть и больно хитрый, как-то сказал, что на компромиссы надо идти всегда... кроме тех случаев, когда на компромиссы идти нельзя. Но, к сожалению, абсолютное большинство людей заранее готово идти на компромиссы во всем. Тем более что есть оправдание, есть база – «мировое общественное мнение»! И простой средний человек, говоря о необходимости идти на компромиссы, обычно прячет за этим собственную трусость, боязнь столкновения, проверки на прочность крепости идеи, которую исповедует. Но себя надо уважать или хотя бы делать вид... чтобы дети уважали!.. потому под оправдание собственной трусости какую только базу не подтаскивают! А бескомпромиссных или менее компромиссных объявляем тупыми и негибкими. Вспомним: порицая других, тем самым косвенно хвалим себя!

Филипп кивал, медленно и уже без отвращения цедил молоко. Проронил скрипучим голосом:

– Люди компромиссов – хорошая добыча для тех, кто на компромиссы не идет. Когда сталкиваются двое, один трусливо отступает, второй занимает его место... но дальше до какой-то поры не наступает, это и зовется изящным словом «компромисс»... Эх, Дима! Россия что-то зачастила идти на компромиссы. И все отступала, отступала, отступала...

– Отступала, – согласился Дмитрий. – Сейчас пробуем остановиться. Надо попытаться выдержать натиск.

– Как?

– Иногда, – сказал Дмитрий осторожно, – чтобы остановить... надо пользоваться встречными ударами.

ГЛАВА 11

Чтобы вывести его на улицу, пришлось едва не взрывать дом. Филипп побелел, лоб его покрылся испариной, а на щеках проступила смертельная бледность. Дмитрий всерьез готов был обращаться к врачам, но Филипп как-то пересилил себя, голос дрожал и трепетал, как свеча на холодном ветру:

– Не надо психиатров... Мне в самом деле нечего делать на улице. Но если у тебя такой каприз...

– Каприз, – подтвердил Дмитрий. – Филипп, я завтра улетаю! Может быть, уже не вернусь... жизнь есть жизнь. Так что ты моим капризам хоть сегодня не перечь.

Улыбка была такой горькой, что Филипп заставил себя выйти с ним на лестничную площадку, а затем и войти в лифт.

На улице его потрянуло, Дмитрий с острой жалостью поглядывал на сгорбившуюся фигуру друга, острые плечи, испуганный взгляд.

Филипп старался держаться ближе к стенам зданий, словно боялся идти близко к кромке тротуара, Дмитрий крепко держал за локоть, поворачивал в стороны, говорил громко и уверенно.

Хмурые тучи двигались быстро, темные и лохматые. Когда миновали квартал, солнце выскользнуло в щель, вниз ударил узкий яркий луч, словно по земле шарил прожектором.

Оба как раз вышли на площадь. Острый, как меч, шпиль на мечети вспыхнул подобно фейерверку. Дмитрию казалось, что во все стороны брызжут огненные искры, а сам шпиль не уменьшается, а увеличивается в объеме, усиливает блеск, как за последний год ислам усилил блеск и мощь своего учения.

По-восточному светлая и изукрашенная яркими изразцами мечеть сразу привлекала взоры. Дмитрию стало досадно, что смотрят именно на мечеть, а не идут любоваться собором Василия Блаженного или Кремлем. К тому же недавно закончили окончательную отделку нелепого безобразия – храма Христа Спасителя... нет, надо признаться честно, мечеть в самом деле красивее. Понятно, ее строили не лапотные строители, что возводили Покровский собор, переименованный народом храмом Василия Блаженного, а дипломированные специалисты. Им кинули на лапу огромные бабки, при постройке мечети использовали новейшие технологии, но это все объяснение, которое на фиг простому народу. Простой народ просто смотрит на это светлое чудо и говорит в восторге: лепота...

– Лепота, – услышал он в сторонке восторженное. – Это ж надо, какую красоту отгрохали...

На мечеть засмотрелся русоволосый мужик, явно из глубинки, только у них вот такие бесхитростные лица с обязательной лукавинкой в уголках глаз, обветренная кожа, даже если горожанин, – лишь в Москве автобуса не ждут часами на морозе, – независимая и одновременно настороженная поза.

– Нравится? – удивился Дмитрий.

– Еще бы, – ответил мужик.

Дмитрий оглянулся на Филиппа, тот нахмурился, но смолчал. Дмитрий возразил громко:

– Но это ж... это ж мечеть!

Мужик хладнокровно сплюнул на брусчатку, застеснялся и растер подошвой сапога, выказывая хорошие манеры, сказал довольноно:

– Так не казино ж!.. Или это, как его... где у вас голые бабы...

– Да у нас они везде голые, – ответил Дмитрий. – Бордель, что ли?

– Во-во, – сказал мужик. – А то ишь, салон по интиму, по услугам... Моя дура чуть не вяпалась! А это – мечеть!.. К богу, значит...

Дмитрий сказал с нажимом:

– Так там же молятся не нашему богу! Не нашему, понимаешь?..

Мужик поглядел на обоих настороженно. В глазах мелькнуло подозрение. Уже суховатым голосом буркнул:

– Да, не деньгам там молятся. Ты прав, паря.

Он отступил, Дмитрий в молчании провожал его взглядом. А мужик в полном восторге и в то же время по-хозяйски пошел вдоль стены мечети, рассматривал благородное покрытие изразцовых плиток, качал головой, хватался за шапку и смотрел вверх, на крышу, на сверкающий шпиль.

– Ну как? – спросил Дмитрий.

– Да пошел ты, – ответил Филипп. – Ну, погуляли?.. Пойдем домой. Или я сам пойду.

– Не сердись, – сказал Дмитрий успокаивающе, – а то совсем красивым станешь... Ты ж этого не хочешь? Давай вон там присядем, пивка по кружечке...

Филипп попятился, если уж идти пить пиво, то в подвальчик, но Дмитрий вытащил его чуть ли не к обочине тротуара. Предприимчивый хозяин крохотного гастронома поставил прямо на улице полдюжину столиков, вынес стулья, а двое подростков разносили пиво и охлажденную кока-колу. По большей части гостям столицы: кто же еще будет терпеливо сидеть возле грохочущей проезжей части улицы и с благоговением смотреть на центр самой Москвы!

Дмитрий заказал четыре кружки пива, одну осушил сразу, залпом, перевел дух:

– Хорошо... Уверен, что и у Славки там тоже неплохое пиво. Он смотрит на нас, взбодрился! Еще Россия не сгинэла!

– За Славку, – тихо ответил Филипп.

– За всех нас...

– И да сгинут вороги.

– Да будет...

Он замер с кружкой пива, уши слегка шелохнулись. Филипп повернул голову. Со стороны Белорусского вокзала по проезжей части шла, мешая движению, большая пестрая группа. Две немолодые женщины с насупленными сердитыми лицами несли транспарант, но так неумело, раскачивая и дергая под напором встречного свежего ветерка, что Дмитрий никак не мог прочесть лозунг.

А следом двигалось с дюжину музыкантов, они громко и неумело исполняли странную музыку. Внезапно защемило сердце, он ощутил сладкую боль в груди, а в глазах защипало. Еще не поняв, в чем дело, встал и вслушивался молча.

Рядом загремело кресло, это нехотя поднялся Филипп. Дмитрий чувствовал взгляды остальных сидящих за соседними столиками, насмешливые, непонимающие, удивленные, презрительные. А оркестр приближался, играли с энтузиазмом, лица решительные, готовые к оскорблениям, мученические, заранее изготавившиеся вытерпеть всё и вся.

За спиной заскрежетал по асфальту отодвигаемый стул. Послышался сердитый женский голос:

– Ты с ума сошел? Это же националисты...

И неловкий мужской:

– А мне плевать, кто идет. Это гимн Советского Союза!

Дмитрий чувствовал, что в глазах затуманилось. Грудь распирало странное чувство, лицо само по себе начало дергаться и кривиться. Он удержал мышцы неподвижными, зато ощутил, как запруда век прорвалась, по щекам прокатились две горячие слезинки.

Он не знал, можно ли шевелиться, чтобы вытереть мокрые дорожки, позор для мужчины, не рискнул, так и стоял, пока жалкая кучка демонстрантов не прошла мимо. Филипп сочувствующе сопел рядом.

Дмитрий наконец торопливо вытерся, сел. Филипп подвинул к нему кружку с пивом, ухватил дрожащими руками свою. Молча припали разом, словно старались загасить пожар в сердцах.

Филипп сказал тихо:

– Не знаю... Я ведь не застал того времени, когда при звуках гимна все вставали. Отец говорил, что это происходило в больших залах, торжественно! А на сцене всегда широкий стол под красной скатертью. Там восседал партком – это такой десяток толстых морд, – и все десятеро высматривают в зале: кто не встанет – к вечеру уже сядет... А вот сейчас... гм... без всякого принуждения... Я встал и... как будто камень с души свалился.

Дмитрий сказал:

– Я тоже... как будто смыл с себя всю накопившуюся грязь.

– Может быть, – предположил Филипп, – мы уже изголодались... по такому?

– Мы – да. Но страна...

Филипп осторожно повернул голову. Через столик сидели красивая женщина с довольно молодым, к удивлению Филиппа, мужчиной. Женщина, пунцовая, как роза, что-то яростным шепотом доказывала мужчине, пригибала голову, стыдясь посмотреть по сторонам, а мужчина сидел ровно, угрюмый, видно было, как медленно накаляется.

Он ощутил взгляд Филиппа, покосился в его сторону. Филипп подмигнул, как союзнику в неравной борьбе. Мужчина слабо улыбнулся, но Филиппу показалось, что он чуть расслабился и дальше слушал спутницу без растущего раздражения.

– А мы, – сказал Филипп, – и есть страна.

ГЛАВА 12

В огромном кабинете Кречета чувствовался сухой жар, словно мы оказались перед горнилом открытой доменной печи. Во рту у меня стало сухо, а из горла вырывался горячий воздух.

Умом я понимал, что кондиционеры поддерживают ровную температуру, та не поднимается и не падает, но сейчас я словно на поверхности Меркурия перед огромным, на полнеба, диском огромного Солнца. А оно все поднимается и поднимается из-за горизонта, а я не смею взглянуть...

Да и другие елозят взглядами по столу, переглядываются, тихие, как мыши в подполье. Кречет предпочитает атмосферу шумную, когда за столом все жужжат и переговариваются, бумаги и папки летают с края стола на край, а все телеэкраны на стене работают, настроенные на основные каналы. Помню, Хемингуэй предпочитал писать не в кабинете, а в шумном кафе, а Цезарю лучше работалось, когда вокруг было полно спорящих сенаторов.

И хотя два из этих каналов показывают то, что было на самом деле, но Кречет в курсе всего, что передают на всю страну и прочий мир, не имевший счастья вовремя войти в состав России.

Он кивнул, предлагая мне продолжить. Я перевел дыхание, даже мне нелегко сказать такое, ведь я волей случая всажен именно в эту эпоху, когда принято говорить именно так, а не иначе, и, чтобы сказать правду, требуется сперва сломать в душе тюремную решетку.

– Как? – сказал я. – Это дело специалистов. Но штатовцы сейчас расплозились по всему миру. Они все – воюющая сторона. Даже так называемые мирные туристы. Они стреляют в нас своим образом жизни: сексуальными свободами, неприятием любых ограничений, свободой от нравственных оков, что нас все еще достает и от чего мы все в глубине своих подленьких душ хотели бы освободиться! Я считаю возможным снабжать оружием и прочими нужными средствами разные террористические группы... которые будут взрывать автобусы с американскими туристами, убивать одиночек. А где невозможно их убивать, пусть бросают камни, плюют, выкрикивают ругань. Словом, для начала надо загнать этих пропагандистов обратно на свою сторону земного шара.

Кречет оглядел всех, рыкнул:

– Надеюсь, никого не надо предупреждать, что будет за утечку информации?.. Нет? Тогда продолжим.

– Мне это очень не нравится, – заявил Коломиец упрямо, – все-таки наша роль в тотальном истреблении граждан США станет известна. Пусть и без явных доказательств. Я, конечно, понимаю, что США постоянно нарушают все международные договоры... грубо даже нарушают! Нехорошо очень, нецивилизованно. Однако же...

Забайкалов по ту сторону стола взглянул на министра культуры с безгловым удивлением:

– Да что вы о нарушении договоров?.. Всерьез полагаете, что международные договоры выполняют из чувства... ха-ха!.. порядочности? Или еще чего-то такого же нематериального, не подкрепленного авианосцами и крылатыми ракетами?.. Договоры, дорогой мой, заключают с теми, кого боятся. И выполняют все пункты до тех пор, пока боятся. А чего бояться сейчас нас, когда мы в такой... простите, Сруль Израилевич, дупе?

– А я при чем? – удивился Коган. Подумал, спросил подозрительно: – На что вы все-таки намекиваете?

– Это он вообще о финансах, – пояснил благожелательно Краснохарев. Тоже подумал, брякнул: – Деньги ведь не пахнут?

Кто-то хихикнул, разряжая обстановку. Я сказал настойчиво:

– Тут Степан Бандерович засомневался, в самом ли деле великий Толстой призывал не брать французов в плен. Пусть прочтет, все-таки министр культуры!.. Там есть еще одно важное рассуждение... Его в старых школах заучивали наизусть, потом стыдливо из программ выбросили. Это там, где Толстой обосновывает правоту тех, кто отбрасывает все «цивилизованные нормы» ведения войны, чтобы нанести противнику наибольший урон! Помните, о двух фехтовальщиках? Когда русский фехтовальщик увидел, что француз превосходит его, то отбросил изящную шпагу, схватил огромную дубину и стал дубасить француза так, что превратил его в кусок кровавого мяса! Это оправдано как Толстым, так и всем мировым сообществом, которое возвело Толстого на вершину. Еще непонятно?..

Коган пробормотал, но услышали все:

– Что уж непонятного. Когда самому даже вышептать страшно, прячемся за спины классиков...

Я кивнул холодно, продолжал:

– Повторяю, чтобы остановить расползание этой заразы по всему миру, американцев можно и нужно убивать всюду. Везде, где попадаются. Туристов ли, иностранных специалистов или любых эмиссаров их образа жизни! Ибо даже так называемые мирные жители, которых в США так стараются вывести из-под удара, являются воюющей стороной. Да это ж они платят налоги, поддерживают трудом и деньгами политику их страны, их военную экспансию. А если даже сами не берут в руки винтовок... то какая разница? Те, что подносят патроны, – тоже воюют. И те, кто подвозит бензин к танкам. И те, кто эти танки строит в глубине страны. И те, кто платит налоги, работает, обучает детей. Все, кто там живет, являются живой силой противника. Без этого смешного разделения на тех, кто носит погоны и кто не носит!

Краснохарев бухнул подозрительно:

– А как же эта... как ее... слезинка невинного ребенка? Этот гребаный ребенок плачет впрямь чугунными болванками! На какую чашу весов бухнет эта стопудовая слезинка, тут же перетянет...

Я развел руками:

– Бомбежка юсовцев Югославии показала, что для них эти невинные ребенки в реальности, а не в пропаганде! Если надо разбомбить мост, то хоть весь его обвешай этими ребенками, имперцы бомбы бросали. Так что, едва выпадает возможность, надо убивать как американского солдата, так и его жену, его детей и его собаку... Ладно, насчет собаки это я перегнул, прошу меня извинить.

Краснохарев красиво изогнул бровь:

– А детей за что? Они не воюют.

– Они – часть сообщества, которое называется юсовцами. Повторяю для тугодумов, когда юсовцы бомбили Югославию, они били по Югославии, не разделяя заводы и детские жизни.

Коган заметил ядовито:

– Как вовремя для Виктора Александровича юсовцы побомбили Югославию! Теперь у него такой козырь...

Я кивнул:

– Глупо было бы им не воспользоваться, верно? Теперь я везде буду напоминать, как американские самолеты бомбили школы и детские садики, в то же время не поразили ни единого танка, хотя гонялись именно за ними!.. Ни единого, об этом писали во всем мире! Я буду напоминать, что однажды был такой красивый город Дрезден, старинный город музеев, где никогда не было военных заводов или военных частей... Американская авиация стерла его с лица земли за одну ночь страшными ковравыми бомбардировками. Не осталось ни единого дома! Погибли все: мужчины, женщины, дети... И что же? Американцев судили за это тягчайшее преступление? Нет, это они поспешили занять судейские кресла и судили тех... кого бомбили! Как, впрочем, везде захватывают эти судейские кресла и сейчас.

Как обычно, краем глаза я видел, как Мирошниченко неслышно исчезал, появлялся, тихий и бесшумный. Сейчас появился с Михаилом Егоровым, министром внутренних дел, тот скромненько сел на краешек и уставился на президента. Мирошниченко положил перед Кречетом очередной листок, а пока тот читал, сбегал к самому крупному телевизору, включил. Замелькали кадры с плачущими женщинами, взволнованные лица очевидцев, а телерепортер, захлебываясь от праведного гнева, с жаром рассказывал про побоище на кладбище.

Сказбуш сказал быстро:

– Я не стал беспокоить вас такой мелочью, Платон Тарасович. Операция, которую мы провели совместно с МВД, прошла успешно.

Кречет пару минут слушал льющисея с телеэкрана взволнованные речи о попрании человеческих прав, скривился:

– Нужно ли было на бронетранспортерах? Не много ли чести?

Егоров кашлянул, вскочил, голос был торопливый и сбивчивый:

– Платон Тарасович, тут важен психологический эффект. Главное было не в уничтожении сотни-другой бандитов – свято место пусто не бывает! – а в том, что ни одному не удалось уйти. И что побили даже тех, кто с ними был связан: адвокатов, попов, музыкантов. Наша психика как у лотерейщиков: если хоть один выигрыш на тысячу, то все надеемся, что выпадет нам. И потому играют, играют, играют... Но если будут твердо знать, что в предыдущей лотерее не было ни одного выигрыша?.. И в следующей – пулю в лоб не заменят штрафом в два оклада? Бэтээры – это хорошее доказательство, что выигрышных билетов отныне не будет.

Краснохарев сказал рассудительно:

– Попов мочить – дело приятное, но, увы, малополезное. А что, если патриарх гвалт поднимет?.. Сейчас там новый, молодой, злющий! Похоже, в самом деле верит в свое дело, что совсем уж на голову не лезет...

Забайкалов прогудел размеренным, как паровозный гудок, голосом:

– У него других дел хватает.

– Каких? – полюбопытствовал Коган.

– Вам знать ни к чему, – веско сказал Яузov. – Мало того что христианство специально для нас придумали, так еще другие дела вам подавай?

Краснохарев предостерег:

– Смотрите, как бы патриарх этих побитых попов не объявил мучениками! Когда православие протухло, его можно оживить только мучениками.

Кречет слушал, морщился, наконец кивнул:

– Не объявят. Ни сейчас, ни... потом. Слишком уж явно они обслуживали бандитов, это засняли все телекамеры. Ведь засняли?

Егоров скромно поклонился:

– Лучших операторов пригласил!

Кречет улыбнулся одним уголком рта:

– Сейчас в самом деле очень важно проявлять жесткость. Даже выставлять ее напоказ, а не скрывать, как бывало раньше... Мы должны показать, что гораздо безопаснее быть простым слесарем, токарем, которых так не хватает на заводах. У бандитов, которые вроде бы шикуют, жизнь должна быть короткой. Нет-нет, Сруль Израилевич, не жизнь на свободе, а именно жизнь!.. Вот когда у нас преступность сократится раз в сто... ладно, это я хватил, признаю, но хотя бы раз в десять, тогда можно подумать о соблюдении законности, о всяких там «отныне вы имеете право не раскрывать рта без своего адвоката» и прочих красивых вещах, которые может позволить себе сытое и благополучное общество. Но не мы!

Коган на цыпочках отошел в сторонку, сказал нам тихонько:

– Представляю сцену, когда милиция делает облаву, захватывает троих слесарей, пятерых банкиров и десяток прочих менеджеров и управляющих. В участке банкиров и прочих лупят

дубинками... просто так, для профилактики, зато слесарей угощают сигаретами. Чтобы, так сказать, поднять престиж профессии.

Егоров кивнул, сказал задумчиво:

– А что? Это идея... Сейчас запишу и разошлю по участкам.

Он сделал вид, что достает блокнот. Коган испуганно завопил:

– Да пошутил я, пошутил!.. Ох уж эти диктаторские режимы!

Кречет не стал досматривать сюжет, отвернулся, я видел, с какой скоростью его мозг переключается с одной проблемы на другую, успевая одновременно подготавливать еще с десятков решений, указов, намечая встречи, совещания, прикидывая варианты новых постановлений.

– Кто-то из великих сказал, – обронил он, – что главное назначение суровых наказаний – служить предостережением тем, кто иначе мог бы навлечь таковое на себя. Степан Бандерович, пусть этот материал показывают по всем каналам... Вопли правозащитников мы перетерпим, зато сейчас по всей стране бандитня призадумается. Увидят, что пора безнаказанности кончилась! После такого показательного побоища тысяч сто молодых бандюг предпочтут пойти в слесари... Хорошо, Михаил, действуйте в таком же духе и дальше. Итак, на чем мы остановились?

– Господин президент, – вклинился Мирошниченко осторожно, – на улице Кикашвили взорван дом... То ли террористы, то ли газ по дурости. Вы как-то будете реагировать?

Кречет насторожился:

– Ты о чем?

– Ну, выразить соболезнование... Заклеймить терроризм... Приехать на место трагедии и пообщаться с жителями. Погладить плачущего ребенка по головке, это хорошо работает на имидж заботливого президента...

Кречет поморщился:

– Послушай... и запомни на будущее. Я – президент! Президент огромной страны. Хватит нам того шута в президентском кресле, что ездил проведать заболевшего клоуна – ах, народный любимец, анекдоты по всесоюзному телевидению рассказывал! – в то время как страна голодала, матери бросались с балконов, не имея возможности прокормить детей!.. Я не поеду гладить ребенка по головке. Зато я прослежу, чтобы... хотя нет, тебе это знать не обязательно. Но за каждый взрыв у нас... там заплатят кровавыми слезами!

Сказбуш сказал негромко:

– По факту взрыва нами были проведены обыски в близлежащих домах. И вообще по району... А также по вокзалам, площадям, центральным улицам.

– И какие результаты?

Сказбуш покосился на Мирошниченко, глава ФСБ обязан всех подозревать в утечке информации, пожал плечами:

– Пока ничего не выяснено. Но одна группа арестованных попыталась бежать. Прямо из милицейского автобуса, где их перевозили.

– Задержали? – поинтересовался Кречет.

– Да. Но затем, к сожалению, они попытались обезоружить охрану. Пришлось застрелить почти всех... А последний умер по дороге в больницу.

– Сколько человек?

– Семьдесят, – ответил Сказбуш.

– А сколько погибло во взорванном доме?

– Двадцать три.

Кречет резко махнул рукой:

– Продолжай прочесывать город.

– Понял, господин президент!

Сказбуш быстро отошел в сторону, в его ладони появился крохотный сотовый телефон. Кречет зло зыркнул в нашу сторону. Мы опустили головы, каждый углубился в свои бумаги. Все люди взрослые, все политики, никому не нужно объяснять, что происходит. И что не очень-то и скрывается. Даже есть возможность утечки информации. Чем скорее там поймут, что за каждого убитого русского будут убивать десятков их соплеменников, тем скорее эти взрывы прекратятся.

Для арестов не надо даже ехать в горные аулы. Достаточно пройти по московским рынкам, гостиницам, вокзалам, казино... Да и квартиры все на учете!

Вот так и принимаются великие решения, мелькнула у меня мысль. Великие доктрины, меняющие судьбы мира... Прерываемые текучкой, мелочами, потом к ним снова возвращаемся, дорабатываем, сглаживаем или спрямляем углы, упрощаем, чтобы философское воззрение стало понятным любому слесарю. Слесарю – это так, для красного словца. Сейчас интеллигенция еще та, от слесарей не только не ушла, но кое в чем еще и отстала...

А если все свести к одной ключевой фразе, заповеди, то это должно звучать так: каждый православный... нет, православные ни при чем, это на глаза попался телеэкран, там эти шаманы на что-то брызгают водой... интересно, а что-то еще умеют делать?.. сейчас православные – это уже нечто такое дохлое, на что рассчитывать не приходится. Православный теперь не убьет и микроба. Пусть это будет заповедь каждого русского, а потом станет заповедью и каждого европейца, каждого мыслящего и культурного человека: убивать американцев везде, где подвернется возможность!

Сейчас в правильности этой заповеди надо исподволь убеждать весь цивилизованный мир. Чтобы каждый понимал, что, убивая американцев... будь то вооруженные до зубов командос или мирные туристы, они спасают мир!

Спасают весь род людской.

ГЛАВА 13

Жаркое аравийское солнце нежно и властно приняло Дмитрия в объятия. После хмурого московского неба, низкого и сплошь затянутого грязно-сизыми тучами, здесь над головой устрашающе далекая синь. Даже солнце не огромное красное, а крохотный, добела раскаленный диск, от которого плавится свод, а по коже бегут сладкие мурашки.

Справа и слева через широкие турникеты из здания аэропорта выходили пестрые туристы. Империя обезличивает людей, сливает в одинаковую массу, но Дмитрий все еще легко отличал неторопливых финнов, все еще одинаково белобрых, от совсем еще недавно белобрых немцев и англичан, теперь уже почерневших, а то и онегрившихся... не спутает одинаковых японцев и таких же одинаковых, но по-другому, иранцев...

Французы вывалились крохотной стайкой, но шуму от них было больше, чем от впятеро большей группы шведов. Самая крупная группа туристов, естественно, из Империи. Самая богатая, что проглядывает не в навешанных бриллиантах, а в демонстративном пренебрежении к условностям: в шортах, что запрещается местными законами, женщины в маечках, что честнее называть прозрачными лифчиками...

Жара расплавила бы асфальт, но здесь не асфальт – под ногами широкие каменные плиты. По обе стороны фонтаны разбрызгивают серебристые струи. Порыв ветра бросил в лицо прохладную водяную пыль. Рядом счастливо засмеялась женщина.

На широкой площади выстроились сотни шикарных автомобилей. Дмитрий слышал, что арабы считают ниже своего достоинства покупать что-то помимо роскошных кадиллаков, но эта площадь впечатляла даже подготовленного человека. Он не увидел ни одной машины, что стоила бы меньше полусотни тысяч долларов!

Машины, белые как снег, серебристые, ярко-красные, оранжевые и всех-всех цветов, за исключением черного, сверкали под солнцем так, что глазам было больно. Дмитрий надел темные очки, те послушно закрыли половину лица.

На небе ни облачка, от горизонта до горизонта – синий-синий купол. Здесь все праздничное, веселое, не по-арабски веселое. Арабы любят и умеют веселиться, но сейчас в этом веселье вроде бы перебор. Или это ему кажется, приехавшему из серого дождливого мира, где над серым тоскливым городом висят грязные мокрые тучи, где под ногами хлюпает грязь, а холодный ветер пронизывает насквозь?..

Ноги понесли мимо ряда машин. Будь это в России, он сказал бы, что идет мимо дворца, где происходит съезд поп-звезд. Только у них автомобили круче, чем у членов правительства или глав дипломатических миссий. А здесь самые неприметные – это «мерсы» ценой в полста тысяч долларов, а две трети на стоянке – это «роллс-ройсы» всех расцветок!

Из-за машин вышел молодой сухощавый парень, смуглый, в чалме, с лихо закрученными усами. Дмитрию он напомнил магараджу из какого-то старого фильма.

– Приветствую! – сказал он жизнерадостно, и Дмитрий сразу ощутил пенджабский акцент. – Куда изволите?

Дмитрий остановился, пальцы невольно взвесили в руке чемодан. Легкий как пушинка в России, он показался в этом тающем от зноя мире тяжелой гирей. И с каждым мгновением он не просто казался тяжелее, а становился тяжелее, ибо тело сразу уловило и приспособилось к разлитому в воздухе покою, благополучию и абсолютной безопасности. Ладонь стала потной, ручка норовила выскользнуть, как граната с выдернутой чекой.

Он повернулся к машине. «Мерс», обыкновенный «мерс», хотя с позолоченной решеткой радиатора и довольно изящными фигурками джейранов размером с кулак. Возможно, эти джейраны стоят дороже самого автомобиля.

– Еще не знаю. Разве что отвезешь в приличный отель. Знаешь такие?

– Знаю, господин, – ответил шофер. Дмитрию показалось, что шофер заколебался: то ли назвать его «мистер», то ли «мсье», но все же решил ограничиться более общим. – Меня зовут Муслим. Я знаю весь город, знаю все веселые места, как правоверный знает мечети!

Он открыл багажник, Дмитрий забросил чемодан. Поинтересовался:

– А ты – правоверный?

– Само имя Муслим, – ответил шофер гордо, – означает «мусульманин». У нас в Пенджабе две трети мусульман! А когда я ходил в школу, было меньше трети.

В машине было прохладно. Кондишен выдавал еще и солоноватый аромат морских волн. Дмитрий погрузился в мягкое удобное кресло, широкий ремень ласково и упруго щелкнул пряжкой. Сразу ощутилось погружение в уют и безопасность. Щелей для подушек безопасности не заметил, но не сомневался, что, если машина, пусть на малой или сверхвысокой скорости, напорется на дерево, мгновенно появившийся мягкий шар не даст ему даже клюнуть носом в переборку.

Чуть качнувшись, машина вырулила на широкую полосу. Под колесами потянулось одинаковое серое шоссе. Ровное как стекло, ни малейшей выбоинки, а прямая как стрела линия упиралась, уменьшаясь до ширины иглы, прямо в горизонт. Правда, в этом вряд ли заслуга строителей: в арабской пустыне трудно найти горы или холмы.

– Значит, – сказал Дмитрий, – исламский мир стремительно ширится?

– Еще как, – согласился Муслим довольно. – Но только маленький мир может быть однородным. А исламский настолько теперь велик, что в нем все цвета и оттенки... Взгляните налево, вон там целая улица отелей! Есть на все вкусы.

– Какие могут быть вкусы? – удивился Дмитрий. – Вкусы надо было оставить там, на Родине.

– Почему? – удивился Муслим.

– Разве это не исламский мир?

– Исламский, – согласился Муслим.

– Так что же?

– Я ж говорю, что исламский мир теперь огромен, – пояснил Муслим довольно. – Есть страны, где только две краски: черная и белая, а есть и вот такие...

Мир по обе стороны от авто в самом деле сверкал всеми красками. Как позади, так и спереди. Только крыша защищала от пронзительно синего неба, так что преобладал больше радостно-оранжевый цвет расплавленного золота.

– Черно-белое? – переспросил Дмитрий. – А, фундаменталисты!.. Но это же фанатики и все такое прочее!.. О тех я вообще молчу. Но в любой стране ислама нельзя напиваться, нельзя в отель проводить непотребных женщин...

Муслим фыркнул:

– Непотребных женщин можно было всегда. А вот запрет на добрую выпивку продержался дольше.

Дмитрий не поверил своим ушам:

– Неужто рухнул?

– С грохотом, – сказал Муслим гордо. – Ожидают падения последней твердыни.

– Это какой же?

– Не догадаетесь?

– Молиться по пять раз в день?

– Нет, это уже отменено. Тихо, без грохота. Сослались на тот случай, когда Аллах велел совершать молитву пятьдесят раз в день. Мухаммад попросил уменьшить до двадцати. Аллах согласился. Мухаммад поблагодарил, ушел, а потом вернулся и попросил уменьшить еще. Аллах согласился, что правоверные обязаны совершать молитву пять раз в сутки. Мухаммад хотел просить уменьшить количество молитв еще, но не посмел... так вот наши муфтии, посо-

вещавшись, решили, что если таково было желание Мухаммада и что Аллах ему бы не отказал, то можно ограничиться лишь одной молитвой в сутки. А если человек занят, то можно без молитвы обойтись вовсе.

Дмитрий в восторге повертел головой:

– Круто!.. У вас, как я вижу, богословская мысль на месте не стоит.

– Не то что в вашем христианстве, – сказал Муслим с улыбкой, но глаза оставались серьезными.

– Откуда знаешь, что я христианин?

– Не буддист же, – хохотнул Муслим. – И не иудей точно.

– Почему?

– Иудей догадался бы сразу, что здесь добиваются отмены запрета есть свинину.

Дмитрий дернулся так, что чувствительная машина вильнула в сторону, выровнялась, понеслась, тревожно мигая огоньками на панели.

– Неужто дошло до... такой степени?

– Точно, – согласился Муслим так гордо, словно это он разрешил иностранным туристам ходить по улицам полуголыми. – Последний оплот. На самом деле, если чест–но, не такой уж и важный: здесь есть еда со всех концов света, но вопрос принципиальный. Говорят, хохлы... есть нация?.. едят только свинину, а их в какой-то там Хохляндии как китайцев. Начнут у нас свинину подавать в ресторанах, вот тогда эти загадочные хохлы к нам и ломанутся!..

– Эт точно, – согласился Дмитрий. – Если сало будет, то хохлы набегут, точно.

– Хотите курить? – спросил Муслим благожелательно. – Курите, не стесняйтесь.

– В этом стерильном мире, – пробормотал Дмитрий, – скоро не то что курить... и пить бросишь...

– Не стесняйтесь, – повторил Муслим. – Кондишен все вытянет. А вообще-то вы правы! Зачем курить или обжигать желудок спиртным, когда вкус от этого портится? От жизни надо брать радости, а не печали!.. Хотите бутерброд?.. Нет, лучше мы остановимся вон в том кафе на углу, там подают изумительные булочки собственного производства... Полжизни бы отдал, чтоб узнать, как они их готовят!

Не спрашивая Дмитрия, подрулил к небольшому цветному домику, прозрачному почти насквозь, настолько много в нем окон, а непрозрачной оставалась только крыша.

Вышли, отпрыгнули от поливальной машины. Вода широким веером с силой била по шоссе, текла по тротуару. Когда она проехала, Муслим придержал Дмитрия: за первой машиной ехала вторая, такая же громадная, праздничная, вода тугими сверкающими струями бьет по асфальту, докатывается до стен домов.

Накаленный воздух сразу стал прохладнее. Дмитрий невольно окинул взглядом снежно-белые громады на краю города. Опреснительные установки, что стоят миллиарды. Здесь вода достается тяжело, ее добывают из морской воды, но всюду фонтаны, водопады, а тротуары поливают так, что просыхать не успевают...

В кафе было чисто, прохладно, мило. Подошла загорелая девушка на длинных точеных ногах. Наклонилась, принимая заказ, Дмитрий загляделся на два полушария, выглядывающие из глубокого выреза маечки. Лифчика она не носит, видно. Девушка поощрительно улыбнулась крепкому молодому парню, а у Муслима спросила:

– Что обычно или что-то особое?

– Что обычно, – ответил Муслим. – Пусть он увидит, что здесь обычно!.. А уж потом, как-нибудь, ты расщедришься для него на что-нибудь особое.

Девушка улыбнулась двусмысленности, снова улыбнулась Дмитрию, взгляд ее оценивающе скользнул по змейке на его джинсах, затем он видел, только как она удаляется на тех же длинных ногах фотомодели.

Булочки она принесла буквально через пару минут. Еще когда приближалась, держа широкий поднос с двумя стаканами и горкой крохотных бутербродов, его ноздри уловили аромат, нежный и провоцирующий.

Глаза снова невольно прикипели к ложбинке между ее грудями. Руки вслепую нащупали булочки. Они сминались под его пальцами с легким хрустом, было в этом нечто и от молодого льда, и от зажаренного цыпленка, когда вот такая же коричневая корочка. Пахучая и лакомая...

Он сглотнул слюну, поперхнулся, поспешно запил из стакана. Коктейль явно тоже фирменный, алкоголя почти не уловил, только дразнящий намек, но желудок взвыл голодным голодом и встал в позу баскетболиста, готового ухватить брошенный мяч.

Булочки таяли во рту, лишь крошки достигали гортани, там всасывались, а голодный желудок начал бросаться на ребра. Муслим посмеивался, он ухитрялся еще и запивать, а Дмитрий, как лесной пожар, опустошал все, что громоздилось в широкой вазе.

– Ну как? – спросил Муслим. – Умеет она готовить?

– М-м-м, – промычал Дмитрий.

– Что-что?

– Изумительно, – промычал Дмитрий громче. – Это разврат!

– Гастрономический разврат, – подтвердил Муслим. – Ах, какое прекрасное слово...

Когда-то им обозначались многие действия между мужчиной и женщиной. А сейчас уже и между мужчиной и мужчиной так не зовется. Как и между женщинами...

– Скучно? – спросил Дмитрий.

Муслим поднял бровь, засмеялся:

– А и в самом деле... Нечего нарушать. Все дозволено, нет сладости нарушать запреты.

– И как с этим миритесь?

Муслим засмеялся еще громче:

– Кто-то мирится, кто-то нет.

Дмитрий насторожился, этот шофер может что-то сказать про местные группы Сопротивления.

– А что делают те, кто не мирится?

Муслим удивился:

– Как – что? Нарушают те остатки запретов, что еще не рухнули. Или рухнули не полностью, так сказать.

– М-да, – протянул Дмитрий задумчиво. – А вот когда полностью рухнут и те остатки остатков... что тогда делать?

Муслим с самым беспечным видом развел руками:

– А что делать? Ничего не делать. Можно считать, что мир рухнул.

ГЛАВА 14

Когда я выполз на кухню, оттуда уже опрятно пахло крепким кофе. На столе кипа газет и журналов. Деятели моего ранга, теперь я не просто футуролог, а – деятель, обязаны следить за массмедией.

Жена буркнула:

– Умойся хоть!

– Сперва кофе, – прохрипел я. – Все потом...

– Наркоман, – сказала она с осуждением.

– Точно, – согласился я. – Уже развилась и закрепилась зависимость...

Пока я жадно хлебал, как конь, кофе приятно обжигает горло, в прихожей хлопнула дверь. Теперь до полудня будет рейд по магазинам и рынкам, никак не привыкнет к изобилию товаров, а я вернусь только поздно вечером, когда жена будет смотреть украинско-мексиканский сериал. К счастью, второй телевизор в другой комнате...

Допивая обжигающий кофе, я наскоро просматривал газеты. При моем скорочтении достаточно их перелистывать, чтобы ухватывать все, что изложено на страницах. Газеты мне доставляются самые разные: как выписанные мною лично, так и присылаемые различными партиями и обществами из желания повлиять на мое мнение. Желание понятное, а только это влияние может оказаться и с обратным знаком...

В зависимости от партийной принадлежности газеты выставляли события вчерашнего дня в соответствии со своей табелью о рангах. Потому вчерашнее побоище на кладбище в одной заняло всю первую страницу, а в другой, не менее влиятельной, оказалось мелким шрифтом на последней, почему-то среди таких важных событий, как и с какой ноги знаменитый Куакио забил свой шестой за сезон мяч и в каком сете Уакилис выиграла на тай-бреке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.